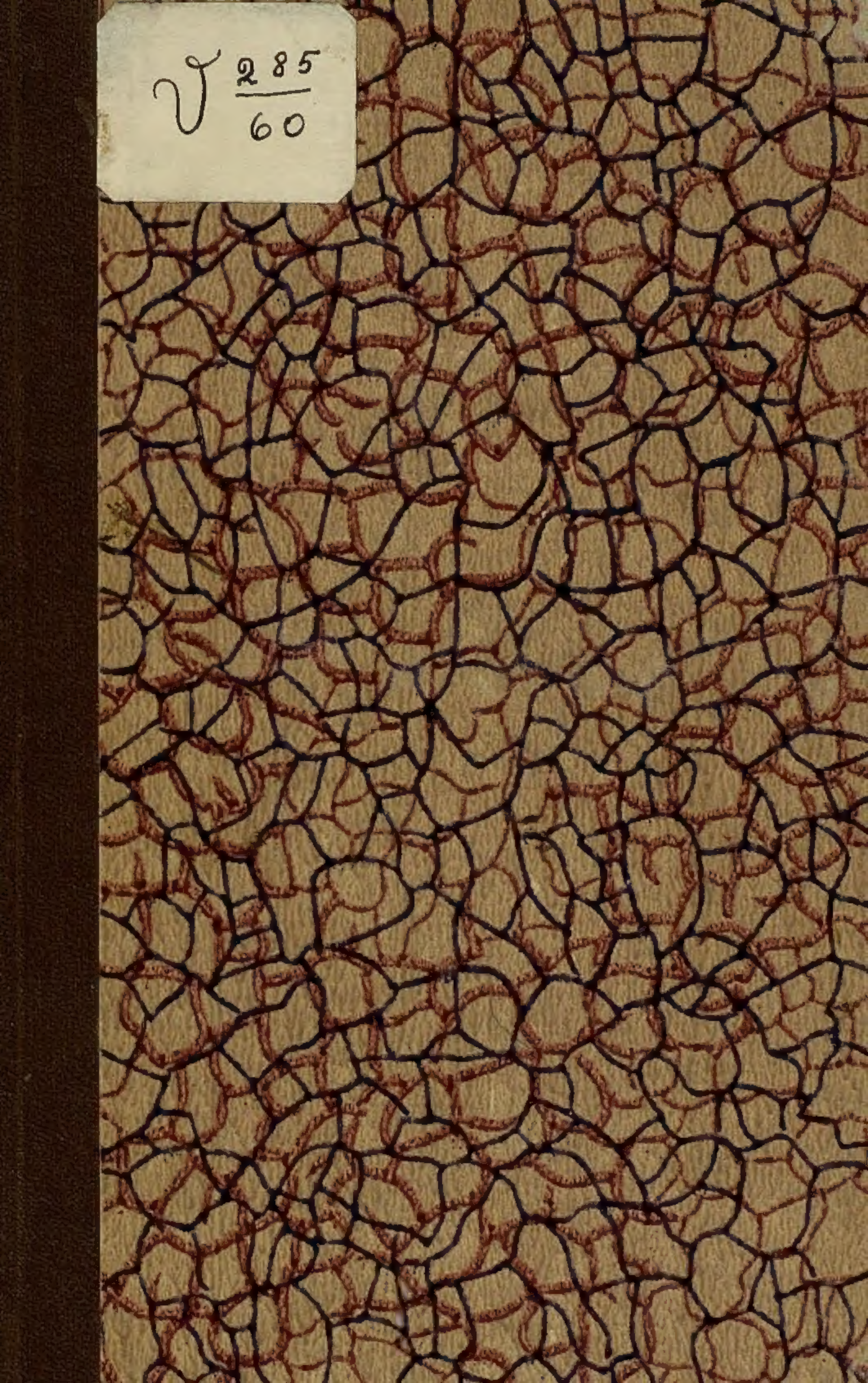

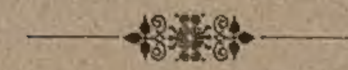
Протестантство
и
Католичество

въ ихъ соотношенiи,

и

Православiе какъ истина.

Изданiе второе
Казанской Амвросiевской женской Пустыни.

Собственная типографiя.
1917 г.

Протестантство
и
Католичество

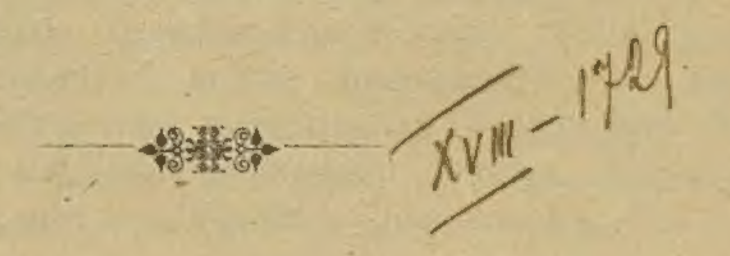
въ ихъ соотношении,

и

Православіе какъ истина.

Изданіе второе

Казанской Амвросіевской женской Пустыни.

Собственная типографія.
1917 г.

Печатать разрѣшается. Калуга, 17 января 1917 г. Цензоръ, Ректоръ Калужской Духовной Семинаріи, Протоіерей *Алексѣй Преображенскій*.

Цѣль и задача настоящаго труда—сдѣлать краткій очеркъ сущности ученія нѣмецкаго реформатора Мартина Лютера, какъ крайней противоположности католичества, и показать превосходство ученія православнаго, чуждаго всякихъ крайностей. Трудъ сей не представляетъ самостоятельнаго сочиненія и есть лишь собраніе подходящихъ мѣстъ, преимущественно изъ сочиненій епископа Ѳеофана-Затворника,—мужа высокой святости и мудрости,—ученаго богослова, неоспоримаго авторитета въ дѣлѣ вѣры и глубокаго истолкователя истины. При томъ должно сказать, что, при составленіи настоящаго сборника, мы старались болѣе освѣтить духовно-нравственную сторону протестантскаго ученія, не вдаваясь въ тонкія, догматическія разсужденія. Указавъ на пустоту и внутреннюю безсодержательность религіозной жизни протестанта слѣдуетъ яснѣе представить и то, какъ православіе раскрываетъ свои материнскія объятія для каждаго измученнаго и неудовлетвореннаго сердца, ищущаго болѣе тѣснаго сближенія съ Богомъ-Спасителемъ.

I.

„*Право-славить*—означаетъ правильно воздавать хвалу Богу. Но можетъ ли однако бренная тварь, хотя бы и была исполнена искренней любви и благоговѣнія къ своему Создателю, изъ глубины своего ничтожества, сама собою, уразумѣть какимъ образомъ прославлять Бога достойно Его недоступнаго величія, если бы Онъ Самъ не научилъ насъ

тому чрезъ Божественное Откровеніе? Правильное же прославленіе въ томъ и состоитъ, чтобы мы искренно и сознательно, не только сердцемъ и умомъ, но и словами и дѣлами воздавали хвалу Богу, Творцу и Спасителю нашему,—и не иначе, какъ Самъ Онъ научилъ насъ это совершать.

„Но гдѣ же, кромѣ какъ въ св. церкви, мы можемъ научиться тому истинному богопочтенію, которое заповѣдано Самимъ Господомъ, во время видимаго Его пребыванія на землѣ и передано св. апостолами вѣкамъ и народамъ? Есть ли внѣ церкви иной какой либо вѣрный блюститель всего, что намъ заповѣдалъ Господь и въ богодухновенномъ писаніи и въ священномъ преданіи, которыя, чрезъ столько вѣковъ, сохранились для насъ на лонѣ церкви, какъ бы въ нѣкоей драгоцѣнной сокровищницѣ? И можемъ ли мы, вопреки ея священныхъ правилъ, заповѣдей и уставовъ прославить Господа - ея Божественнаго Главу, Который обѣщалъ намъ, что и врата адовы не одолѣютъ Его церкви?“

Итакъ, православнымъ можетъ назваться только вѣрный сынъ церкви. Ибо, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: *никто не можетъ положить иного основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Самъ Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 11); слѣдовательно, кто чуждается церкви, чуждается и спасительнаго имени Христова, ибо только чрезъ посредство церкви познается Христосъ. Гдѣ кромѣ церкви можно почерпнуть чистое понятіе о тайнѣ воплощенія Сына Божія для нашего искупленія? И гдѣ кромѣ, какъ въ ея спасительныхъ таинствахъ, можемъ мы усвоить себѣ плоды сего искупленія? Гдѣ же, наконецъ, если не въ самомъ ея богослуженіи, можемъ мы яснѣе изучать и ежедневно напоминать себѣ всѣ священные догматы, необходимые для нашего спасенія? *)

Такъ Церковь Христова въ теченіе 8 вѣковъ была спасительнымъ кораблемъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Единаго Господа Іисуса Христа. Но вотъ, въ IX вѣкѣ въ церкви произошло крупное и печальное событіе: римскій папа съ своими послѣдователями увлекся суемудріемъ и отпалъ отъ единой церкви и вѣры. Такъ произошло раздѣленіе единой вселенской церкви на восточную, сохраняющую въ чистотѣ

---

*) Письма о православіи Кіевъ. 1873 г.

апостольское ученіе, и западную или латинскую, отступившую отъ него.

„Латинская церковь,—говоритъ святитель Θеофанъ,—есть апостольскаго происхожденія, но отступила отъ апостольскихъ преданій и повредилась. Главный ея грѣхъ—страсть ковать новые догматы по своему смышленію и своеволію. Сначала она изобрѣла догматъ о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына (filioque), а затѣмъ позднѣе еще два: о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и о непогрѣшимости папы... Ученіе о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына повреждаетъ догматъ о Пресвятой Троицѣ; ученіе о непорочномъ зачатіи Божіей Матери повреждаетъ догматъ о поврежденіи нашего естества въ паденіи и отчасти объ искупленіи; ученіе о непогрѣшимости папы человѣку самочинно присвояетъ Божеское свойство и повреждаетъ общее ученіе о Богѣ и о человѣкѣ. Такъ у ней повреждены существеннѣйшія части христіанскаго исповѣданія. Всѣ сіи ученія чужды апостольскому преданію и суть человѣческія измышленія..., которыми латиняне повредили и испортили св. вѣру, св. апостолами преданную. Особенно разрушителенъ послѣдній новый догматъ о непогрѣшимости папы. Послѣ него недоумѣваешь, какъ и смотрѣть на эту церковь“ *).

„И изъ исторіи вселенскихъ соборовъ нигдѣ не видно, чтобы римскій первосвященникъ признавался единственнымъ и непогрѣшимымъ судіей въ вопросахъ вѣры. Какъ на первомъ христіанскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ апостолы и пресвитеры, со всею церковію, написавъ окружное посланіе Антіохійскимъ христіанамъ, начали словами: *изволися Духу Святому и намъ*, и не требовали особеннаго утвержденія его верховнымъ Петромъ, такъ и отцы вселенскихъ соборовъ руководились этимъ же правиломъ, и были примѣры, что нѣкоторые изъ этихъ семи соборовъ состоялись безъ участія римскихъ папъ, а по окончаніи имъ были посланы постановленія соборныя, но не для утвержденія, а для руководства. Былъ и такой примѣръ, что папа римскій, не хотѣвшій сначала подчиниться опредѣленію пятаго вселенскаго собора, едва не лишился своей каѳедры и удержался только признаніемъ постановленій этого собора. Множество правилъ, из-

*) Письма еп. Θеофана къ разнымъ лицамъ. Москва. 1892 г.

ложенныхъ на другихъ соборахъ, возымѣли полную силу, хотя никогда не были признаваемы римскими папами, потому что въ нихъ осуждались нѣкоторые римскіе обычаи. Изъ этого видно, какъ мало было нужно утвержденіе папское вселенскому собору. Окончательное рѣшеніе догматовъ и каноновъ всегда происходило на самомъ соборѣ и затѣмъ уже оно разсылалось, какъ неотмѣнное повелѣніе, во всѣ церкви, не исключая и Римской [1])".

„Подчинивъ здравое разсужденіе соборовъ, произвольному рѣшенію одного первосвященника, превознесеннаго надменнымъ титуломъ намѣстника Божія на землѣ, римская церковь до того дошла, что, смѣшавъ все въ своей собственной дисциплинѣ, запретила бракъ священникамъ и, что всего ужаснѣе, — похитила чашу, слѣдственно половину таинства Евхаристіи, у всѣхъ мірянъ, несмотря на ясныя и точныя слова Господни: *Пійте отъ нея вси* (Мѳ. 26, 27). Въ своемъ стремленіи олицетворить себя и свое ученіе въ лицѣ одного папы, она увлеклась до того, что вынуждена была признать за необходимое, для своей прочности, чтобы глава ея былъ княземъ мірскимъ, вопреки слова Господня, что *царство Его не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36)" [2]).

Католицизмъ понялъ христіанство чисто практически, грубо. Царство Божіе у него обращено въ царство человѣческое; изъ церковной іерархіи онъ образовалъ правительство съ правами жизни и смерти, — высшимъ выраженіемъ этого служитъ папа — глава церкви, подобно древнему Риму, повелѣвающій всему міру.

Католицизмъ питаетъ чувства въ вѣрующихъ по преимуществу внѣшностью и бездушными церемоніями, не отвѣчающими характеру христіанскаго содержанія. Согласно съ своимъ чисто внѣшнимъ воззрѣніемъ, католикъ только рабски смотрѣлъ на свои отношенія къ Спасителю; онъ думалъ, что между нимъ и Божественнымъ Искупителемъ нѣтъ и не можетъ быть живого союза; что Его нужно умилостивлять, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію къ земнымъ царямъ и владыкамъ; что нужно платить подать Его намѣстнику, приносить жертвы и дары и ничего болѣе....О любви, которая связываетъ съ Нимъ міръ человѣческій, о благо-

[1]) Письма о православіи. [2]) Тамъ-же.

датномъ, внутреннемъ общеніи съ Нимъ въ духѣ, онъ почти не слышалъ.... Самъ Христосъ и Спаситель міра—Невидимый, Вѣчный—являлся католику только подъ образомъ Христа видимаго, и всемірная идея искупленія и облагодатствованія привязывалась къ отдѣльной личности и даже къ извѣстной территоріи—къ Риму...*).

Съ теченіемъ времени, въ римской церкви прибавлялось все болѣе разныхъ заблужденій, и дѣло дошло до того, что нѣкоторые недовольные ею римскіе католики отпали отъ нея и образовали свои общества протенстантскія. Въ XVI вѣкѣ въ Германіи произошло сильное религіозное движеніе, результатомъ котораго было появленіе священника Мартина Лютера съ проповѣдью протестантства.

Реформація Лютера первоначально является въ формѣ *противоположности католицизма*, — она ищетъ сначала для себя основаній не въ отвлеченныхъ идеяхъ, не въ разумѣ, а только въ крайностяхъ другой вѣроисповѣдной формы. Повидимому, она стремилась отстоять права духа и мысли, подавить внѣшнее грубое воззрѣніе и тѣмъ, казалось, вносила новую жизнь въ общества,—жизнь полную духа и свободы; казалось она побуждала ихъ съ ревностію, напоминающею первоначальныя времена христіанства, обратиться къ откровенному ученію евангелія, изучить его и проникнуться имъ. Но, въ сущности, получилось совершенно обратное. Силясь высвободиться отъ деспотической власти папства и увлекаясь противорѣчіемъ католицизму, реформаторъ не оставляетъ мѣста ни для чего внѣшняго, а на мѣстѣ гнета и насилія ставитъ чистый произволъ и безграничную свободу, давая полный просторъ личному воззрѣнію, и такимъ образомъ—является папство въ иномъ видѣ, перенесенное съ одного на всѣхъ. Въ противоположность понятіямъ католиковъ о чисто внѣшнихъ отношеніяхъ къ Богу и Спасителю, Лютеръ во главу своего религіознаго воззрѣнія ставитъ мысль о *невидимомъ, духовномъ и свободномъ союзѣ со Христомъ*. За мыслію о духовной свободѣ, онъ ничего уже не видитъ; во имя ея, онъ отвергаетъ все противоположное ей въ самомъ корнѣ и основѣ, противопоста-

---

*) Характеръ протестантства. С-Петербургъ. 1871 г.

вляя права личности авторитету іерархіи во всевозможной широтѣ.

Итакъ, протестантство въ сущности есть обратная сторона католичества, и чѣмъ болѣе раскрывались въ разныхъ христіанскихъ обществахъ мнимо-духовныя начала, проповѣданныя Лютеромъ, тѣмъ болѣе мечтательною и безсодержательною становилась религіозно-духовная жизнь народовъ протестантскаго міра, пока наконецъ не обратилась въ полное сомнѣніе и отрицаніе вѣры и, въ своемъ цѣломъ было не что иное, какъ попытка создать отвлеченную философскую религію. Никогда еще не было вѣроисповѣдной формы настолько отвлеченной и гибкой, въ которой всякое философское воззрѣніе укладывалось бы съ такою свободой и легкостью, какъ лютеранское исповѣданіе... „Все объективное въ религіи,— говоритъ Неандеръ о своемъ вѣроисповѣданіи,— мы отвергли; мы думали, что возможна только субъективная религія и....обманулись". Такъ думалъ и самъ Лютеръ и почти сознавался въ своемъ обманѣ; - Лютеръ, начавшій сильнымъ религіознымъ чувствомъ, а кончившій сомнѣніемъ,— самъ не находившій мира и спокойствія въ личномъ чувствѣ, за которое ратовалъ, говоритъ: „Къ несчастью я не могу твердо вѣрить тому, что говорю въ своихъ проповѣдяхъ къ народу и о чемъ пишу въ своихъ сочиненіяхъ. А народъ воображаетъ, конечно, что я отъ души вѣрю и евангелію и тому, какъ я самъ объясняю его" *).

Сколько глубокаго трагизма въ этомъ признаніи. Но что совершилось въ лицѣ Лютера, то повторилось послѣ въ цѣлыхъ протестантскихъ обществахъ.

II.

Сущность Лютерова ученія заключалась въ идеѣ о неприкосновенности права личности въ области религіи, но въ основу этой мысли о свободѣ человѣка въ дѣлѣ вѣры, онъ положилъ не величіе человѣка и его разума, а паденіе. Онъ говорилъ: „Человѣкъ великъ потому, что собственными си-

*) Характеръ протестантства. С.-Петер. 1871 г.

лами ничего не можетъ сдѣлати, потому что палъ глубоко, потому что за него дѣйствуетъ Божество". Это противорѣчіе и непослѣдовательность естественно привела къ новымъ затрудненіямъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи лютеранства неизбѣжно выработался догматъ о *предопредѣленіи*, составляющій особенность новаго реформатскаго вѣроисповѣданія. Выводъ, сдѣланный Цвингли и Кальвиномъ, былъ слѣдующій: „Если человѣкъ палъ настолько, что раздробилъ всѣ свои силы, если спасеніе совершается безъ всякаго участія съ нашей стороны, то причина, почему не всѣ спасаются, должна быть въ Самомъ Божествѣ" [1]).

Такимъ образомъ, новыя протестантскія начала довели до послѣднихъ крайностей, и самъ протестантскій міръ съ изумленіемъ увидѣлъ, что онъ незамѣтно перешелъ изъ области вѣры въ область невѣрія... Родилось желаніе противодѣйствія,—наступила реакція.

Въ Англіи образуется новая вѣроисповѣдная форма, обязанная своимъ происхожденіемъ желанію—съ одной стороны—свергнуть гнетъ папства, съ другой—ограничить широту свободныхъ протестантскихъ началъ. Эта новая форма извѣстна подъ именемъ англиканства.

Идеи Лютера дали свободу мышленію и породили множество различныхъ вѣроученій и философскихъ системъ, противорѣчащихъ одна другой. Такъ во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ мелкихъ протестантскихъ сектъ замѣчаются два различныя направленія—*мистицизмъ* и *раціонализмъ*. Послѣдній, переходя въ область мысли, раскрылся во всей ужасающей полнотѣ въ послѣдующей нѣмецкой философіи и прилагается даже къ сферѣ богословскихъ изысканій. Такимъ образомъ и самая Библія въ рукахъ этихъ новыхъ лютеранскихъ богослововъ получаетъ новый видъ и смыслъ [2]). Хотя съ теченіемъ времени и обнаруживалась реакція духу отрицанія, какъ въ религіи, такъ и въ наукѣ, съ протестантскимъ направленіемъ, но во всякомъ случаѣ и здѣсь истины не было, такъ какъ не было ея въ самой основѣ [3]).

Христіанская церковь, основанная Христомъ на камнѣ вѣры, получила обѣтованіе, что *врата ада не одолѣ-*

[1]) Характ. протест. С.-Петер. 1871 г. [2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.

ютъ ее. (Мѳ. 16, 18). Протестантство, основанное Лютеромъ на шаткомъ основаніи разума, не устояло и распалось на безчисленное множество религіозныхъ обществъ и сектъ.

Постараемся теперь освѣтить это болѣзненное измышленіе человѣческаго ума яснымъ ученіемъ нашей православной церкви словами одного изъ ея богопросвѣщеннѣйшихъ пастырей—преосвященнаго епископа-затворника Ѳеофана—мужа сильнаго вѣрой и знаніемъ и ревностнаго поборника истины.

III.

Такъ какъ всѣ идеи Лютера исходили изъ крайностей католическаго вѣроученія, то въ основу своей реформы онъ положилъ противоположное католичеству ученіе объ *оправданіи одной вѣрой.* Лютеръ возставалъ противъ насилія и стѣсненій въ католической жизни и практикѣ. Въ католицизмѣ онъ видѣлъ ученіе объ оправданіи не чрезъ заслуги Искупителя, не gratis—туне, а единственно за подвиги, за дѣла. Ему казалось, что тамъ вѣрующій работаетъ Христу, какъ наемникъ. Въ нѣкоторой мѣрѣ онъ былъ правъ. Тамъ искони укоренилась мысль о томъ, что человѣкъ спасается своими подвигами. Воззрѣніе это сказалось позднѣе и въ новомъ догматѣ *непорочнаго зачатія* Богоматери, допускающемъ, что человѣкъ своими собственными заслугами можетъ освободиться отъ первороднаго грѣха. Возставая противъ этого, Лютеръ впадалъ въ другую крайность говоря, что ничто внѣшнее и никакое внѣшнее посредство не имѣетъ значенія въ дѣлѣ спасенія, что все опредѣляется внутреннимъ, свободнымъ отношеніемъ человѣка къ спасающей благодати. Онъ противополагаетъ дѣла вѣрѣ, какъ начало *внѣшнее, формальное* началу *внутреннему* и *свободному.* Мысль свою онъ выражаетъ въ формѣ догматической, несправедливо пользуясь ученіемъ апостола Павла о противоположности дѣлъ закона закону евангельскому, забывая что апостолъ говорилъ о законѣ ветхозавѣтномъ. Лютеръ все подчиняетъ вѣрѣ: человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами, слѣдовательно не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ.

Въ этомъ внутреннемъ актѣ не можетъ принимать участія никакое человѣческое посредство. Вѣра сама раждаетъ дѣла, неразлучныя съ нею. Нужна только чистота сердца, нужна только увѣренность въ спасеніи, чтобы быть блаженнымъ. Вѣра во Христа и увѣренность въ полученіи спасенія—вотъ все, о чемъ, по словамъ Лютера, проповѣдуетъ евангеліе. Смыслъ этого догмата указываетъ не только на личную свободу, но и на то, что спасеніе есть, по преимуществу, дѣйствіе отвлеченное. Смыслъ всѣхъ разсужденій реформатора объ оправданіи, съ этой точки зрѣнія, сводится къ слѣдующему положенію: мысли о дѣлѣ спасенія, и оно будетъ твоимъ достояніемъ. Знай, что Христосъ—твой Спаситель и затѣмъ не принимай никакого авторитета [1]).

Не будемъ говорить о томъ, что для обоснованія подобнаго воззрѣнія Лютеру понадобилось измѣнить самое ученіе о состояніи падшаго человѣка. Этотъ догматическій вопросъ не входитъ въ кругъ нашей задачи показать религіозно-нравственную несостоятельность лютеранскаго ученія.

Посмотримъ теперь, каковъ взглядъ православной церкви на оправданіе?

„Мы пали чрезъ грѣхопаденіе,—пишетъ еп. Өеофанъ,—и попали въ неисходную пагубу. Спасеніе наше должно состоять въ избавленіи насъ отъ этой пагубы. Пагуба наша состоитъ *во первыхъ*,—въ прогнѣваніи Бога нарушеніемъ воли Его, въ потерѣ Его благоволенія и въ подпаденіи клятвѣ законной; *во вторыхъ*,—въ поврежденіи и разстройствѣ своего естества грѣхомъ, или потерѣ истинной жизни и вкушеніи смерти. Почему для спасенія нашего необходимо: *во первыхъ*, умилостивленіе Бога, снятіе съ насъ клятвы законной и возвращеніе намъ Божія благоволенія; *во вторыхъ*,—въ оживотвореніи насъ, умершихъ грѣхомъ, или дарованіи намъ новой жизни [2]). То и другое Господь Іисусъ Христосъ совершилъ въ Себѣ: снялъ клятву, *бывъ по насъ клятва*, въ крестной смерти Своей, и въ Своемъ лицѣ явилъ естество наше безгрѣшнымъ, чистымъ и совершеннымъ. Такимъ образомъ, все существенно потребное для нашего спасенія совмѣщается въ лицѣ Господа Іисуса Христа,—въ какомъ смыслѣ

—

[1]) Характеръ протестантства. С. Петер. 1871 г.

[2]) Начертаніе христіанскаго нравоученія. Еп. Өеофана. Москва. 1895 г.

и говорится, что въ лицѣ Господа спасено человѣчество. Но здѣсь падлежитъ различать два момента: домостроительство спасенія или устроеніе всего потребнаго для спасенія,—и содѣваніе спасенія каждаго лица. Для того, чтобы совершилось спасеніе каждаго человѣка въ частности, необходимо чтобы совмѣщенныя въ лицѣ Господа потребности спасенія перешли въ каждаго и имъ были усвоены. Сіе послѣднее совершаетъ Св. Духъ [1])".

„Разумнымъ усмотрѣніемъ того, что условія нашего спасенія не могли быть пикѣмъ восполнены, какъ Богомъ воплощеннымъ, возводимся къ *убѣжденію* въ необходимости воплощенія Бога для нашего спасенія; но убѣжденіе это не есть *введеніе въ постиженіе сей тайны*. Вѣра въ силу воплощеннаго домостроительства есть даръ Божій (Еф. 2, 8) [2]).

„Спасеніе наше—въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, но содѣвается оно въ насъ благодатію Св. Духа. Слово благовѣстія возбуждаетъ вѣру въ силу крестной смерти Господа и въ купели крещенія омываетъ вѣрующихъ и отъ первороднаго грѣха и отъ всѣхъ произвольныхъ, обновляя въ то же время его духовную жизнь и дѣлая ее сильною противостоять грѣху и преуспѣвать въ добрѣ. Обѣ потребности здѣсь удовлетворяются заразъ. Исходящій изъ купели крещенія бываетъ и оправданъ и праведенъ,—всякая вина грѣха съ него снимается, и онъ желаетъ лишь одного Богу угоднаго добра и силенъ на дѣланіе его. Это и есть облеченіе во Христа, въ коемъ потребное для спасенія отъ Христа Господа переходитъ на вѣрующего и крещаемаго и ему усвояется. Пока онъ вѣруетъ только во Христа, сіи потребности его суть, но только номинально, какъ опредѣленныя ему и готовыя для него; въ купели же крещенія онѣ существено становятся его собственностію. Сего то ради Господь Іисусъ Христосъ, претерпѣвъ крестную смерть и воскресеніе, вознесся на небо и послалъ отъ Отца къ намъ на землю Духа Святаго, чтобы Онъ всѣхъ надѣлялъ тѣми благами и потребностями спасенія, которыя совмѣщены для насъ въ лицѣ Господа. Изъ сказаннаго видно, что не вѣрою вселяется Христосъ, а благодатію Св. Духа. И самую вѣру

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Еп. Θеофана.

[2]) Начертаніе христіанскаго нравоученія. Еп. Θеофана.

возбуждаетъ и совершаетъ Духъ Святый; но если бы Онъ оставлялъ насъ съ сею одною вѣрою, то и при ней ничего бы изъ насъ не вышло.

„Возбудивъ и утвердивъ вѣру, Духъ Святый приводитъ къ купели крещенія и здѣсь вселяетъ въ насъ Христа. Апостолъ хотя и говоритъ въ посланіи къ Ефесеямъ: *да дастъ вамъ... вселитися вѣрою Христу въ сердца ваша* (3, 17), но передъ этимъ сказалъ: *утвердитеся Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ* —(16). Это утвержденіе Духомъ Святымъ во внутреннемъ человѣкѣ стоитъ какъ средство или какъ открытіе двери для пріятія Христа. И слѣдовательно, и здѣсь вселеніе Христа условливается дѣйствіемъ Духа Святаго.

„Да и нечего объ этомъ много думать, когда знаемъ изъ устъ того же апостола, что во Христа Іисуса облекаются,— то же что пріемлютъ Его въ себя,—только тѣ, кои крестятся. Крещеніе же совершается Духомъ Святымъ, водою раждающимъ вѣрующихъ къ новой жизни, по образу создавшаго ихъ Господа Спасителя, но не иначе, какъ чрезъ св. таинства и при томъ въ единой истинной церкви Божіей. Помимо таинствъ благодать не получается внѣ церкви и не подается“ [1]).

„Что вѣра необходима въ содѣваніи спасенія, объ этомъ и говорить нечего: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). Первая обязанность человѣка *имѣть вѣру* или религію, т е знать опредѣленно Бога и образъ Его почитанія и свое къ Нему отношеніе. Эта обязанность даже не предписываемая, а непосредственно извѣстная, исходящая изъ природы духа человѣческаго, который требуетъ Бога и ищетъ Его. Поэтому она есть сѣмя и зародышъ всѣхъ обязанностей и всей религіозно-нравственной жизни человѣка. Но обязанность *имѣть вѣру* еще не опредѣляетъ самой вѣры, потому человѣкъ обязанъ имѣть не какую нибудь вѣру, а именно *единую истинную вѣру* [2])“.

„Но это одинъ только пунктъ въ дѣлѣ спасенія. Къ нему Самимъ же Господомъ приложены другіе пункты, которые тоже необходимо содержать, чтобы быть спасеннымъ. Вѣровать же надобно полно во все, что благоволилъ Богъ открыть намъ безъ прибавленія и убавленія. Коротко: всю вѣру можно совмѣстить въ слѣдующемъ положеніи:

---

[1]) Письма къ разн. лицамъ. Еп. Феофана. [2]) Начерт. христ. нравоуч. Его же

„Богъ въ Троицѣ покланяемый, міръ создавшій и о немъ промышляющій, спасаетъ насъ падшихъ, по благоволенію Отца въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа, во святой Своей церкви, благодать въ таинствахъ подающей, чрезъ преемниковъ апостольскихъ; что спасаемые спасаются, живя общею всѣмъ истинно-вѣрующимъ жизнію; что спасеніе каждаго совершается въ духѣ сокровенно, хотя вѣдомо самому спасаемому; во свѣтлости же своей явится въ другой жизни; что отходящіе отъ насъ вратами смерти въ другую жизнь не престаютъ пребывать въ томъ же единомъ тѣлѣ церкви и взаимнаго общенія съ нами не лишены.

„Всѣ эти пункты, —какъ условія спасенія, —входятъ въ предметъ вѣры, и всему этому надобно вѣровать.

„Но одной вѣры недостаточно для спасенія. *И бѣсы вѣруютъ* (Іак. 2. 19). Надобно и жить свято по заповѣдямъ Господнимъ. *Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ Царствіе Божіе, но творяй волю Отца Моего* (Мѳ. 7, 21). *Глаголяй, яко познахъ Его и заповѣдей Его не соблюдаетъ ложь есть, и въ семъ истины нѣтъ* (Іоан. 2, 4). Воля же Отца Небеснаго выражена въ заповѣдяхъ Его.

„Исповѣдывать Господа не то одно имѣетъ значеніе, чтобы устами сказать, что вѣрую въ Господа, но и вообще быть христіаниномъ. Если бы исповѣданіе вселяло Господа, то исполняло бы благодатію: ибо благодать и есть общеніе съ нами Господа, но, какъ выше объяснено, что благодать подается чрезъ таинства, то и Господь вселяется не чрезъ исповѣданіе, а чрезъ таинства“ *).

IV.

Евангеліе, по словамъ Лютера, проповѣдуетъ только о вѣрѣ во Христа и что для спасенія нужно только быть увѣреннымъ въ своемъ спасеніи. Этимъ высказывается та мысль, что одна увѣренность во спасеніи уже усвояетъ его человѣку безусловно или, другими словами, дается даромъ. Посмотримъ

*) Письма къ разнымъ лицамъ.

насколько можетъ это подтвердиться самымъ евангеліемъ, на которомъ, будто, основано это мнѣніе.

„Въ словѣ Божіемъ,—говоритъ еп. Ѳеофанъ,—ясно, опредѣленно указано, какъ слѣдуетъ жить, чтобы быть спасеннымъ, и кто жизнію отступитъ отъ этого опредѣленнаго указанія, тому нельзя надѣяться быть спасеннымъ помимо сего. Св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Галатамъ, перечисливъ дурныя дѣла, говоритъ опредѣленно: *Таковая творящіи Царствія Божія не наслѣдятъ* (Гал. 5, 21). А вслѣдъ за этимъ онъ перечисляетъ добродѣтели, съ которыми можно получить Царствіе Божіе: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 19—23).

„Говорятъ: увѣровалъ и все тутъ—грѣхи прощены, и вѣчное наказаніе отмѣнено, и паденія не бойся, и добродѣтели всѣ сами собой пошли изъ сердца, и Христосъ въ тебѣ и, ужъ не взирая ни на что, не покинетъ тебя, рай и царство небесное твое и под. И нечего удивляться, что многіе льнутъ,—это очень привлекательно. Но истины тутъ нѣтъ, а одна прелесть.

„Въ лицѣ Христа Спасителя точно всѣ уже спасены, какъ говорилось выше, но для того, чтобы и каждый частно содѣлался спасеннымъ черезъ Него, надлежитъ придти къ Нему опредѣленнымъ путемъ и получить сіе спасеніе. Спаситель Самъ сказалъ: *Внидите узкими вратами. Узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* (Мѳ. 7, 14). *Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой* (Мѳ. 16, 24). И *иже не пріиметъ креста своего и вслѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 38). *Царствіе Божіе нудится* (Мѳ. 11, 12). Почему Господь хотя и обѣщаетъ *упокоить труждающихся и обремененныхъ*, но напередъ повелѣваетъ имъ *взять иго Его на себя* (Мѳ. 11, 29). А что шествіе вслѣдъ Господа небезопасно, объ этомъ Онъ не разъ напоминалъ: *Бдите и молитесь, да не внидите въ напасть* (Мѳ. 26, 41); *бдите убо на всяко время молящеся* (Лук. 21, 36): *да будутъ чресла ваша препоясаны и свѣтильницы горящи* (Лук. 12, 35). И все это говоритъ Самъ Господь, все совершившій ради нашего спасенія.

„Рай несомнѣнно будетъ нашъ, но если будемъ тещи. О царствіи нечего безпокоиться,—оно не уйдетъ; безпокоиться и хлопотать нужно объ одномъ томъ, чтобы явиться достойными

его. Царствіе Божіе стоитъ позади всего, - начальная точка движенія къ нему есть призваніе къ вѣрѣ и принятіе благодати, середина — насажденіе въ сердцѣ добродѣтелей, съ искорененіемъ изъ него страстей, ревность къ чему почерпается изъ вѣры и сила на что подается благодатію. Ревнующіе о спасеніи работаютъ, не о заслугахъ мечтая, а считая себя обязанными [1]) Когда вѣчная жизнь поставляется цѣлью, то здѣсь не представляется ничего корыстнаго, наемническаго, а только поставляется на видъ существеннѣйшая черта христіанина [2]) Наемническою же она дѣлается, когда останавливаются на одномъ этомъ побужденіи [3]).

„Неправильно толкуютъ объ этомъ потому, что не умѣютъ различать въ дѣлѣ нашего спасенія *того*, что совершено и устроено Господомъ для нашего спасенія и *того*, что должны мы сами дѣлать для своего спасенія. Въ Новомъ нашемъ Завѣтѣ Господь обѣщаетъ все даровать и усвоить человѣку, что Имъ совершено: оправданіе въ силу крестной Своей смерти и дарованіе благодати Св. Духа, а потомъ и царство небесное: а человѣкъ обязуется, отвергши все грѣховное и страстное, служить Господу неуклонно точнымъ исполненіемъ заповѣдей Его, что и есть взять крестъ и итти вслѣдъ Господа, или взять на себя благое иго Его. То, что совершилъ Сынъ Божій для нашего спасенія,—есть дѣло безпредѣльной благости Божіей - и *это даромъ*. Спасаемые призываются ко спасенію тоже *даромъ* Но на этомъ *даромъ* кончается. Съ этого момента начинается содѣваніе спасенія, которое безъ собственнаго нашего участія, безъ дѣятельнаго нашего произволенія и свободы, не мыслимо. Внять призванію или не внять, послѣдовать и исполнить все требуемое — все это дѣло нашей воли и свободы. Доказательствомъ сказаннаго служитъ притча Спасителя о званыхъ на брачный пиръ. Приготовленіе трапезы со всѣмъ потребнымъ и приглашеніе на нее - есть образъ того, что въ дѣлѣ спасенія нашего совершено Господомъ *даромъ*: а внятіе зову, приходъ и возлежаніе званыхъ есть образъ того, что должны дѣлать мы для своего спасенія. Слуги никого не неволятъ, но внявшіе зову сами пришли и исполнили все, что требовалось, а одинъ не исполнившій тотчасъ былъ удаленъ.

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Начертаніе христіанскаго нравоучен.
[3]) Письма къ разнымъ лицамъ.

„Итакъ, спасеніе не *даромъ* дается, а совершается взаимодѣйствіемъ свободы и благодати. Благодать ничего не станетъ дѣлать одна, если не видитъ склоненій и усилій свободы, ни свобода ни въ чемъ успѣть не можетъ одна, безъ помощи благодати.

„Какъ ни велики дары Божіи, даемые при самомъ первомъ приступленіи къ Господу вѣрою, — при всемъ томъ, увѣровавшаго и чрезъ таинства пріявшаго означенные дары нельзя назвать уже спасеннымъ. Этимъ полагается только начало спасенія. Увѣровавшій вступаетъ на путь, вѣрно и несомнѣнно ведущій ко спасенію, но спасеннымъ онъ явится когда кончитъ сей путь, пребывъ вѣренъ вѣрѣ и исполнивъ все потребное для спасенія.

„Усвоеніе искупленія приписывается увѣрованію въ Господа Іисуса Христа. Это — не полно. Искупилъ насъ Господь Своею кровію. Усвояется намъ искупительная сила во св. крещеніи, какъ изъясняетъ св. Павелъ: *елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (Рим. 6, 3). Вѣра предшествуетъ сему и сопутствуетъ. И при крещеніи не одна она служитъ пріятелищемъ такой силы, а вмѣстѣ съ покаяніемъ и твердымъ рѣшеніемъ жить свято" *).

V.

„Вѣра сама раждаетъ дѣла неразлучныя съ нею", — говоритъ Лютеръ.

„Доброе дѣло, — пишетъ еп. Ѳеофанъ, — чтобы быть добрымъ, должно исходить изъ доброй воли и твориться самоохотно. Но ни Господь, облекающій вѣрующаго въ крещеніи, ни благодать св. Духа, ни благоволеніе Отца Небеснаго, объемлющее его вслѣдствіе того и другого, — не неволятъ человѣка на одно добро, а оставляютъ за нимъ полную свободу избрать что хочетъ и дѣлать что изволяетъ. Только сознательныя и свободныя дѣла и бываютъ собственно наши дѣла, всѣ же дѣла, кои въ насъ сами собой бываютъ, помимо сознанія и свободы, цѣны никакой не имѣютъ. Это присутствіе

---

*) Письма къ разнымъ лицамъ.

свободнаго произволенія при добродѣланіи осязательнѣе всего видится въ томъ, что никакое доброе дѣло не обходится безъ борьбы" [1]. „Истинное значеніе нашихъ дѣлъ зависитъ отъ внутренняго расположенія, въ которомъ возможны различныя уклоненія отъ существенной правды при дѣлахъ правыхъ" [2].

Блаженный Августинъ въ своей „исповѣди" прекрасно рисуетъ это состояніе борьбы: „Я нашелъ многоцѣнный бисеръ,—говоритъ онъ,—но когда пришлось продавать имѣніе, т. е. принести жертву, чтобы пріобрѣсти его, у меня не доставало силы" [3].

„Правда Божія, —говоритъ въ другомъ мѣстѣ епископъ Ѳеофанъ, – требуетъ, чтобы вся жизнь человѣка была наполнена дѣлами правды и добра. Помилованный и оправданный еще не вполнѣ правъ предъ Богомъ; для сего надобно еще пустоту его собственной жизни наполнить дѣлами правыми и добрыми. Свобода состоитъ въ томъ, чтобы располагать дѣйствіями безъ всякаго насилія. Жизнь по волѣ Божіей есть въ высочайшей степени жизнь разумная: – воля Божія, чрезъ покорный ея внушеніямъ разумъ, правитъ всѣми дѣлами и всѣмъ ходомъ жизни и ведетъ человѣка къ послѣдней его цѣли. И свободнымъ въ полномъ смыслѣ можно назвать только того, у кого жизнь устраивается показаннымъ образомъ. Тотъ истинно свободенъ, *кого освободитъ Іисусъ Христосъ* (Гал. 5, 1): только *тамъ и свобода, гдѣ Духъ Господень* (2 Кор. 3, 17). Въ человѣкѣ же грѣшномъ свобода сія какъ бы въ узахъ. Такъ она изображается св. апостоломъ Павломъ: *не еже хощу доброе творю, но еже не хощу злое сіе содѣваю* (Рим. 7, 19). Эти узы налагаются грѣхомъ" [4].

„Господь приступающаго къ Нему съ покаяніемъ и вѣрою милостиво пріемлетъ, прощаетъ его и, освѣщая таинствами, снабжаетъ силою препобѣждать живущій въ немъ грѣхъ, самого же грѣха не изгоняетъ, возлагая на самого человѣка изгнать его съ помощью даруемой ему для сего благодати. Благодать дѣйствуетъ вспомоществуя и укрѣпляя желанія и силы по дѣлу спасенія, но никогда не касаясь святилища свободы, – ея произвольнаго выбора и склоненія" [5].

---

[1] Письма къ разнымъ лицамъ. [2] Путь ко спасенію. Его-же. [3] Исповѣдь, кн. 8 гл. 1. [4] Начертаніе христ. нравоученія. Еп. Ѳеофана. [5] Письма къ разн. лицамъ. Его-же.

„Итакъ вѣрное свидѣтельство о жизни христіанской есть огнь дѣятельной ревности о Богоугожденіи. Такая ревность производится дѣйствіемъ благодати. Истинно-христіанская жизнь есть жизнь благодатная. Жизнь духовная есть сила дѣйствовать духовно или по волѣ Божіей“ [1].

„Такая сила потеряна человѣкомъ; посему пока снова не дастся ему, онъ не можетъ жить духовно, сколько бы не полагалъ намѣренія. Вотъ почему вліяніе благодатной силы въ душу вѣрующаго существенно необходимо для жизни истинно-христіанской“ [2].

„Инымъ приходитъ на мысль: зачѣмъ это дѣйствіе благодати? Неужели мы сами не можемъ дѣлать добрыхъ дѣлъ? Но здѣсь дѣло не въ однихъ добрыхъ дѣлахъ, которыя дѣлаютъ и язычники, а о перерожденіи всей жизни, о жизни новой, о жизни въ цѣломъ ея составѣ,—такой, которая приводитъ ко спасенію. Безъ благодати холодно, и душа вяла и неподвижна на все духовное. Мало ли бывало опытовъ самодѣльнаго начинанія и устроенія христіанскаго житія? И всѣ они оканчивались ничѣмъ,—постоитъ немного человѣкъ въ новоизбранномъ порядкѣ и бросаетъ. Только вѣчной силѣ Божіей свойственно поддерживать насъ постоянно неизмѣнными въ расположеніи, среди безпрерывныхъ приливовъ измѣненій временныхъ“ [3].

„Назначеніе человѣка и цѣль его есть Богообщеніе, путь къ сей цѣли тотъ же—хожденіе въ волѣ Божіей, къ исполненію которой самъ себя долженъ опредѣлить по чувству зависимости своей отъ Бога. И однакожъ, изъ всего этого человѣкъ самъ собой не можетъ выполнить ни одного требованія. На всѣхъ пунктахъ необходима ему Божественная чрезвычайная помощь.

„Посему Триединый Богъ-Отецъ чрезъ Единороднаго Сына Своего и Св. Духа благоволилъ устроить на землѣ благодатное царство, въ которомъ удовлетворяются вполнѣ крайнія духовныя нужды человѣка. Здѣсь отпадшій отъ Бога человѣкъ возсоединяется съ Нимъ чрезъ Господа Іисуса Христа, какъ Единаго Посредника, примиряющаго Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ, приходящаго къ Источнику истинной

[1] Путь ко спасенію. Еп. Феофана. [2] Начертаніе христіанскаго нравоуч.
[3] Путь ко спасенію. Его же.

жизни; обезсилѣвшая свободная самодѣятельность человѣка возстановляется Божественною благодатію: недостатокъ исполненія закона восполняется вѣрою во Христа Спасителя; чувство зависимости отъ Бога и рѣшимость ходить въ волѣ Его воскрешаются въ покаяніи. Вслѣдствіе *покаянія, по вѣрѣ* въ Господа Іисуса Христа, нисходитъ въ человѣка въ таинствахъ *Божественная благодать*, которая возраждая его, *соединяетъ съ Господомъ* Іисусомъ Христомъ, *а чрезъ Него и въ Немъ съ Богомъ.*

„Но не подумалъ бы кто, однакожъ, что живой союзъ съ Богомъ есть исчезновеніе души въ Богѣ, съ насиліемъ ея самостоятельности и свободы. Нѣтъ, хотя душа дѣйствительно стоитъ при семъ подъ Божественнымъ вліяніемъ, прикасается нѣкоторымъ образомъ Богу и проникается Его силой, однакожъ не перестаетъ быть душею—существомъ разумно свободнымъ[1]).

„Но пока мы *бываемъ во плоти* т. е. въ грѣхѣ, дотолѣ *страсти грѣховныя дѣйствуютъ во удѣхъ нашихъ*, но когда благодатью св. Духа освобождаемся отъ этого держащаго насъ въ своей власти грѣха, тогда начинаемъ *работать Богу во обновленіи духа* (Рим. 7, 5, 7). Когда св. Петръ своею рѣчью къ собравшимся іудеямъ привелъ ихъ въ сокрушеніе, и они воззвали: что убо сотворимъ? тогда Петръ сказалъ имъ: *покайтеся и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ; и пріимите Св. Духа* (Дѣян. 2, 37, 38).

„Для того, чтобы и вѣра была какъ слѣдуетъ, и дѣла совершались достодолжно, необходима намъ благодать Святаго Духа“ [2]).

VI.

Мы видѣли уже, что, хотя нѣмецкій реформаторъ и пытается увѣрить, что его ученіе основано на Евангеліи, но само Евангеліе этого не подтверждаетъ. Но и кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что онъ, съ одной стороны, повидимому признаетъ св. Писаніе единственнымъ чистымъ источникомъ вѣроученія, но съ другой, отвергая вовсе свящ. Преданіе, онъ и самымъ писаніемъ пользуется слишкомъ свободно, превратно объясняя

---

[1]) Начерт. христ. нравоуч. Еп. Ѳеофана. [2]) Письма къ разн. лицамъ. Его же.

смыслъ, и многія изъ его свидѣтельствъ, какъ несогласныя съ проводимыми имъ идеями, онъ совсѣмъ не признаетъ.

И тутъ, какъ и во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, точкой отправленія для него служитъ *враждебность* къ римской церкви, въ которой св. Писаніе, этотъ источникъ вѣры, былъ въ небреженіи, и гдѣ народу запрещено было даже читать Библію. Главное чѣмъ жилъ католическій міръ,—это преданіе, и при томъ не столько древнее, сколько позднѣе измышленное и большою частію не церковнаго, а политическаго характера. Во имя этого Лютеръ и отвергъ послѣднее.

Исходя изъ той же точки, онъ приписываетъ св. Писанію даже особенную таинственную силу.—„Таинство совершается, —говоритъ онъ,—когда я читаю слова Евангелія, когда проникаюсь ихъ духомъ“ [1]).

Но, тѣмъ не менѣе, полнаго истиннаго благоговѣнія къ св. Писанію у Лютера нѣтъ. Онъ даетъ предпочтеніе одной священной книгѣ передъ другой. Напримѣръ, изъ евангелій онъ совѣтуетъ преимущественно читать евангеліе отъ Іоанна, а изъ посланій апостольскихъ—посланія ап. Павла, какъ учителя христіанской свободы. Посланія же апостоловъ Петра и Іакова, за ихъ практическій характеръ и особенно за выраженіе *„вѣра безъ дѣлъ мертва“*; онъ дерзнулъ назвать даже „соломенными“; Апокалипсисъ и книгу Екклесіастъ совсѣмъ отвергаетъ, такъ какъ они не подтверждаютъ его взгляда на оправданіе, дающаго полную свободу жизни. Такимъ образомъ, св. Писаніе онъ признаетъ съ ограниченіями. „Слово Божіе въ Писаніи, но Писаніе не Слово Божіе“;— вотъ его воззрѣніе [2]).

Такой взглядъ на Писаніе неизбѣжно приводилъ къ произвольному толкованію его, а отсюда и шаткость его собственныхъ воззрѣній.

Но св. церковь всегда принимала кромѣ св. Писанія и священное Преданіе, преемственно и непрерывно дошедшее къ намъ отъ свв. отцевъ и апостоловъ. Преданіе устное заповѣдано хранить наравнѣ съ св. Писаніемъ самими апостолами. *Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2, 15). *О, Тимоѳее, преданіе сохрани уклоняясь... прекословіи*

---

1) Характеръ Протест. С.-Пет. 1871 г. 2) Тамъ же.

лжеименнаго разума, о немже нѣцыи хвалящеся о вѣрѣ погрѣшиша (1 Тим. 6, 20, 21). И св. Василій Великій пишетъ: „Изъ догматовъ и заповѣдей, соблюдаемыхъ церковью, иные обрѣтаются въ ученіи, изложенномъ въ св. Писаніи, а другіе таинственно дошли до насъ чрезъ апостольское преданіе, но и тѣ и другіе имѣютъ одинаковую силу для благочестія и никто не отвергаетъ послѣднихъ, если только свѣдущъ онъ въ церковныхъ постановленіяхъ“. Если бы мы вздумали отвергать неизложенные въ Писаніи обычаи, то исказили бы евангеліе и обратили бы самую проповѣдь въ пустое имя. Но протестанты, отринувъ сію священную связь временъ апостольскихъ съ нашими, думали наполнить образовавшуюся пустоту человѣческими умствованіями, но чрезъ это перетолковали по своему и самыя истины, истекающія прямо изъ св. Писанія“ [1]).

„Внѣ истиннаго христіанства, дѣятельно усвояемаго, — пишетъ еп. Θеофанъ, — разумъ слѣпъ, не знаетъ духовныхъ вещей, имѣетъ идеи о нихъ, но неопредѣленныя, неясныя, предположительныя, и при неправильномъ его употребленіи можетъ вести къ опаснымъ заблужденіямъ. Разумъ, въ истинномъ его видѣ, является только въ духѣ истиннаго христіанина. Только уму человѣка, ради святой жизни содѣлавшагося сосудомъ благодати, усвояется *помазаніе научающее всему* (1 Іоан. 2, 27), *просвѣщеніе разума славы Божіей* (2 Кор. 4, 6), *познаніе духовное* (Кол. 1, 9). И наоборотъ, у человѣка, преданнаго страстямъ, не можетъ быть разумнаго вѣдѣнія. Для него *сокрыта истинная мудрость* (2 Кор. 4, 4), и онъ *не можетъ разумѣть* (1 Кор. 2, 14). Нѣсколько мыслей наскоро схваченныхъ и заученныхъ, — вотъ и все, — и разсудокъ у такихъ людей является почти всегда въ превратномъ направленіи“ [2]).

„Св. евангеліе и писанія апостольскія, весь Новый Завѣтъ есть самый вѣрный источникъ истиннаго вѣдѣнія христіанскаго, — вѣдѣніе истиннаго пути ко спасенію. Но не всякій, читающій евангеліе, истинно уразумѣваетъ путь спасенія. Иной, читая евангеліе и неправильно толкуя читаемое, извращаетъ его. Сколько было ученій, искажавшихъ истину о Христѣ Іисусѣ. Всѣ они обличены церковью, несмотря на

[1]) Письма о православіи. [2]) Начертаніе христ. нравоуч. Еп. Θеофана.

то, что только и рѣчи было, что о Господѣ. Отчего такъ?— Оттого, что все существо дѣла спасенія состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ, но въ евангеліи эти пункты всѣ написаны не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ. Чтобы познать истинно весь образъ спасенія, надобно всѣ эти пункты изъ разныхъ мѣстъ собрать воедино, ни одного не пропуская. Вотъ на этомъ дѣлѣ всѣ претыкающіеся и претыкаются. Начнетъ иной собирать, не понимая, какъ это слѣдуетъ дѣлать,—выдернетъ одинъ или два пункта изъ общаго писанія и думаетъ, что нашелъ путь спасенія. Иной говоритъ: вѣруй,— и ты спасенъ; иной: стяжи благодать,— и больше тебѣ ничего не нужно; иной: люби,—и придешь къ блаженному концу; иной—иное что. Всѣ такія положенія истинны и въ писаніи строго предписываются, но ни одно изъ нихъ по одиночкѣ не обнимаетъ всего дѣла спасенія. Надо ихъ всѣ совокупить, и тогда получится полное представленіе настоящаго образа спасенія. Никто не станетъ доказывать, что человѣкъ лжетъ, когда говоритъ: покайтесь и вѣруйте. Ибо это необходимо для спасенія и заповѣдано Господомъ. Но если онъ говоритъ, что только это и нужно для спасенія, то лжетъ, потому что для спасенія нужно и другое многое.

„Можно ошибочно признать себя пріявшимъ сознательно Христа и затѣмъ уже всѣ мысли, раждающіяся при чтеніи писанія, считать отъ Христа внушаемыми, а онѣ могутъ быть очень далеки отъ истины. Потому церковь Божія никакимъ таинственнымъ рѣшеніямъ не довѣряетъ, но для оцѣнки вѣрности пониманія писанія имѣетъ неизмѣнную норму— символъ вѣры и общность вѣрованія православныхъ христіанъ всѣхъ временъ и мѣстъ. Ничто несообразное съ этою нормою не можетъ быть признано за вѣрное. Вотъ почему апостольское благовѣстіе всюду было сопровождаемо осязательными свидѣтельствами и удостовѣреніями, что оно идетъ отъ Бога, именно знаменіями и чудесами.

„Оттого, что не считаютъ себя обязанными держаться нормы христіанской истины, содержимой церковью, всякую свою личную мысль возводятъ въ чинъ непреложной истины и, такимъ образомъ, разоряютъ истину Божію. Такъ всѣ ереси пораждались, пораждаются и будутъ пораждаться. Изъ отдѣлившихся отъ церкви, которая есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15.), никто надлежащимъ образомъ

истины не знаетъ И всякій, кто отдѣляется отъ церкви по тому одному, что писаніе будто научило его понимать истину Божію иначе, не истину Божію постигъ, а свое личное мнѣніе возвелъ въ истину и состоитъ въ заблужденіи“ [1]).

„*Всѣ еретики, паписты, протестанты* всѣхъ родовъ и другіе—естественный плодъ невѣрія и своемыслія или своенравія ума въ дѣлѣ вѣры. Вѣра вселенская есть правило вѣдѣнія и жизни, обязательное для всѣхъ. Кто мудрствуетъ не такъ, какъ она въ какомъ нибудь членѣ, зная, что этотъ родъ мудрствованія не одобряется ею и противенъ ей и потомъ далѣе не покаряется никакимъ убѣжденіямъ, а упорно стоитъ въ своемъ мудрованіи, тотъ есть хульникъ Духа Святаго, Духа Истины Онъ раздираетъ цѣлость вѣры и въ этомъ тѣмъ преступнѣе, чѣмъ яснѣе создаетъ порядокъ вѣрованія, чѣмъ больше чувствуетъ колебаній въ совѣсти и сердцѣ противъ своихъ мыслей, чѣмъ больше за себя, а не за истину стоитъ въ своемъ упорствѣ ради земныхъ и эгоистичныхъ какихъ либо цѣлей“ [2]).

Вотъ почему „ни у папистовъ, ни у протестантовъ, ни у англичанъ нѣтъ истины Божіей,—настоящей, чистой, полной. То правда, что они въ обольщеніи думаютъ, что они обладаютъ истиной, но истина далека отъ нихъ. *Паписты* первые отпали отъ истины, но думаютъ, что они то и удерживаютъ ее. *Протестанты* обличили несостоятельность папистовъ во многомъ, но сами не попали на истину, а еще дальше отбѣжали отъ нея, построивъ свою новую вѣру, по своему суемудрію, а не по истинѣ Божіей; думать же и они думаютъ, подобно папистамъ, что напали на истину, которой чуждыми сочли папистовъ. Англичанамъ не понравилась нѣмецкая вѣра, и они построили свою тоже по своему суемудрію, а не по истинѣ Божіей, уклонившись отъ нея еще далѣе, думая, однакожъ, что стоятъ въ ней тверже другихъ. У англичанъ потомъ, равно какъ и у нѣмцевъ, расплодилось множество вѣръ, но какъ всѣ они искали истину не тамъ, гдѣ ее положилъ Богъ, а въ своемъ суемудріи, то и приняли за истину разные призраки истины и на нихъ построили свои вѣрованія.

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Еп. Ѳеофана.

[2]) Начертаніе христіанскаго правоуч. Еп. Ѳеофана.

„Но когда на западѣ множилось такое разнообразіе вѣръ, болѣе или менѣе ложныхъ, на востокѣ неизмѣнною пребывала въ своемъ вѣрованіи православная церковь, единая истинная, содержащая ту самую истину, которая возвѣщена Господомъ-Спасителемъ и насаждена въ церкви святой Его апостолами. Чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ шла непреложная истина въ церкви православной и дошла до насъ. То же исповѣданіе и то же содѣваніе спасенія видимъ мы у грековъ, отъ которыхъ приняли мы св. вѣру Идите и у нихъ по вѣкамъ: дойдете до соборовъ, защищавшихъ и утверждавшихъ истину вселенскую Пройдите соборы до Константина Великаго и всюду будете зрѣть одну и ту же истину Двигайтесь еще далѣе, —пройдите вѣка гоненій,—дойдете до вѣка апостольскаго,—и усмотрите и тамъ то же исповѣданіе и то же содѣваніе спасенія, какое теперь у насъ содержится и дѣйствуетъ. А то, чему учили и что учредили апостолы, принято ими отъ Господа: Господь же и говорилъ и дѣлалъ, какъ принялъ отъ Отца Своего, въ тайнѣ Пресвятыя Троицы. Вотъ откуда вѣра наша! Вотъ гдѣ ея источникъ!

„На этомъ основаніи ни латинской церкви, ни тѣмъ паче протестантскихъ общинъ не слѣдуеть признавать истинными Христовыми церквами, потому что онѣ несообразны съ апостольскимъ церкви Божіей устроеніемъ

„Латинская церковь, хотя и апостольскаго происхожденія, но отступила отъ апостольскихъ преданій и повредилась. Что же касается до протестантскихъ общинъ, то хотя и можно называть ихъ христіанскими, потому что онѣ толкують о христіанствѣ, но никакъ Христовыми церквами. Христова церковь устроена свв. апостолами, по начертанію и плану Самого Господа, Духомъ Святымъ уясненному и утвержденному. А эти общины устроены людьми самочинно и по плану, ими самими сочиненному. У нихъ есть многое, взятое изъ апостольскаго преданія, но всему данъ иной строй, иное мѣсто и иной смыслъ Они разоряли прежнее зданіе церкви, брали изъ нея что казалось годнымъ по ихъ мыслямъ, прибавляли свое и изъ смѣси того и другого слагали свою общину. Что же тутъ Христово? Въ зданіи главное - идея зданія и планъ по ней. Какъ у нихъ то и другое не Христово, а свое, своимъ умомъ измышленное, то эти общины несправедливо именовать Христовыми церквами.

Ибо Христу въ устроеніи ихъ не дано части" [1]).

„Во время пребыванія Своего на землѣ Господь Іисусъ Христосъ обѣтовалъ устроить св. церковь на камнѣ твердаго исповѣданія Его воплощеннаго домостроительства. Самое же созданіе ея, по волѣ Отца, совершилъ Онъ со Св. Духомъ чрезъ свв. апостоловъ, утвердивъ и оградивъ ее *догматами, заповѣдями, таинствами, священнодѣйствіями, канонами* и *достодолжнымъ руководствомъ*. Все содержимое церковью не таково, чтобы могло быть оставляемо на произволъ, но таково, безъ чего не можетъ состояться спасеніе" [2])

VII.

Въ сущности говоря, прежде чѣмъ доказывать насколько имѣетъ права протестантство именоваться церковью, слѣдуетъ обратить вниманіе на понятіе и взглядъ самого Лютера на церковь и ея значеніе въ дѣлѣ спасенія.

Съ одной стороны мысль о непосредственномъ общеніи со Христомъ и благодатію черезъ вѣру, съ другой его увлеченіе отрицаніемъ католическихъ идей, заставили Лютера измѣнить въ корнѣ понятіе о церкви, отвергнуть весь внѣшній ея строй и построить новое ученіе *о церкви невидимой*, не подпадающей никакому наблюденію, независимой, отрѣшенной отъ всего.

Идея церкви въ католичествѣ дѣйствительно имѣла, по преимуществу, внѣшній, грубый характеръ. Она всецѣло воплощалась въ лицѣ папы, который заслонялъ собою сердце вѣрующаго отъ Спасителя. Лютеръ съ убѣжденіемъ доказываетъ тождество идеи антихриста съ идеей папства, совершенно отвергаетъ все внѣшнее въ церкви и самую іерархію.

Свои понятія о церкви невидимой, онъ основывалъ на томъ, что никто и ничто не посредствуетъ между благодатью и сердцемъ вѣрующаго, что нѣтъ и не можетъ быть ни органовъ, ни носителей благодати, которые служили бы средствами къ полученію благодатныхъ даровъ. Всѣ вѣрующіе

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Начертаніе христ. нравоуч.

равноправны и всѣ одинаково самостоятельно приражаются своимъ духомъ къ Божественнымъ благодатнымъ силамъ. Эта невидимая, сверхчувственная церковь управляется непосредственно духомъ благодати.

Ясно, что понятіе такой церкви незримой, не подпадающей никакому наблюденію—равносильно отрицанію, уничтоженію самой идеи церкви. И въ самомъ дѣлѣ, что такое незримая церковь? Что такое ея внутренній, никому невѣдомый бытъ, и въ чемъ содержаніе ея жизни? Подобная церковь не для человѣка дѣйствительнаго, живого, а для иного, отвлеченнаго или, лучше сказать, несуществующаго. Видимое общество вѣрующихъ, по мнѣнію Лютера, не есть церковь, а не болѣе какъ масса, и устройство ея есть дѣло случая. Но, если не эта видимая масса вѣрующихъ людей, состоящихъ изъ плоти и крови, составляетъ ее, а какой-то другой невидимый человѣкъ или его духъ, его сердце, отрѣшенное отъ всякихъ внѣшнихъ проявленій, и если взаимодѣйствіе между духомъ вѣрующаго и благодатію не посредствуется ничѣмъ видимымъ, то, слѣдовательно, въ дѣйствительности нѣтъ того, что называется церковью, по крайней мѣрѣ, для живущихъ и дѣйствующихъ въ этой земной, внѣшней средѣ. Она въ какой то области, недоступной для насъ.

Неизбѣжный при такомъ взглядѣ на церковь вопросъ: какимъ образомъ отличить истинную церковь отъ ложной, если жизнь церкви сокрыта отъ всякаго наблюденія? заставилъ Лютера сознать несостоятельность такого отвлеченнаго воззрѣнія на церковь и допустить вмѣстѣ съ церковью невидимой еще церковь видимую, но лишь какъ знакъ и выраженіе первой, но не принадлежащую къ существу понятія о церкви истинной. Эта уступка со стороны Лютера была новымъ доказательствомъ его непослѣдовательности и противорѣчія его собственному основному взгляду на существо церкви. Если видимая церковь не есть по существу церковь— то она не нужна, если же безъ нея немыслима церковь невидимая, то ясно, что отдѣлить одну отъ другой невозможно, не уничтоживъ самаго понятія церкви. Хотя такое раздѣленіе понятія на церковь истинную, невидимую и церковь несущественную, внѣшнюю, сдѣлано Лютеромъ для того, чтобы, въ противоположность римскому католичеству, гдѣ видимая власть церкви отождествлялась съ Невидимою Главою

церкви, приблизить сердце вѣрующаго къ Духу благодати, но это приближеніе, основанное на мечтательномъ началѣ личной вѣры, было мнимое и привело къ противоположной цѣли: отрѣшаясь отъ всего видимаго, лютеранинъ отрѣшался и отъ тѣхъ средствъ къ соединенію съ благодатью и все болѣе погружался въ область мысли, съ которою впослѣдствіи отождествилъ и самую благодатную силу, подобно тому, какъ римскій католикъ отождествилъ видимую главу церкви съ Невидимою.

Хотя повидимому казалось, что лютеранское исповѣданіе ратуетъ за дары благодати, но въ сущности лютеранинъ ратовалъ за самого себя, перенося ихъ всецѣло на свою собственную личность путемъ постепеннаго развитія протестантскихъ началъ [1]).

Каково же понятіе о церкви по ученію православному?

„Господь назвалъ церковь Свою,—пишетъ еп. Феофанъ,— виноградным деревомъ въ коемъ Онъ Лоза или стволъ дерева, а всѣ вѣрующіе - вѣтви на лозѣ", — слѣдовательно, „вся совокупность вѣрующихъ, составляющая единое нераздѣльное цѣлое, живосочетанное съ Господомъ, и есть церковь. Св. Ап. Павелъ называетъ церковь тѣломъ Господа, Христосъ же Господь Глава тѣла. Церковь не есть только то, что видится въ ней внѣшняго, но она совмѣщаетъ въ себѣ и все внутреннее, духовное и благодатное. Всякому вѣрующему надо восходить къ чувству живого союза со всѣми вѣрующими и съ Главою" [2]), такъ какъ *тѣло* по существу своему *нѣсть единъ удъ, но мнози*, но *вси такіе уды единаго тѣла мнози сущи едино суть тѣло* (1 Кор. 12, 12, 14). Взаимодѣйствіемъ всѣхъ членовъ, *все зданіе тѣла растетъ въ церковь святую о Господѣ, въ Коемъ и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ* (Еф. 2. 22). *Въ сіе-то тѣло мы крестились и вси единымъ Духомъ напоились* (1 Кор. 12. 13), т. е чрезъ крещеніе вошли въ нее и объединились въ ней духовно, обязуясь къ единомыслію, единоволію, единочувствію и единодѣйствію, - *да не будетъ распри въ тѣлеси* (1 Кор 12, 25). Посему церковь есть лоно матернее зачинающее, образующее, возращающее и совершающее каждаго христіанина. Какъ пѣть жизни и

[1]) Характ. протестантства [2]) Письма къ разнымъ лицамъ. Еп. Феофана.

живыхъ существъ внѣ природы, такъ нѣтъ внѣ церкви духовной жизни и духовно живущихъ лицъ. Сущія въ церкви истинныя чада ея блюдутъ единеніе духа въ союзѣ мира и состоятъ потому въ живомъ союзѣ съ ней; вновь поступающія даютъ обѣтъ объединиться съ ней и дѣйствительно объединяются по вступленіи внутрь ея; раждающіяся внутри церкви возраждаются къ новой жизни и затѣмъ воспитываются и возрастаютъ въ духѣ ея. Всѣ такіе суть живые члены церкви и отъ Главы ея, чрезъ Духа Святаго, сподобляются всѣхъ духовныхъ благодатныхъ благъ. Итакъ, рѣшающимся содѣвать свое спасеніе и жить по христіански прежде всего необходимо вступить, а затѣмъ и пребывать неизмѣнно въ живомъ общеніи или союзѣ съ церковью. Это стоитъ въ числѣ неотложныхъ условій христіанской жизни, такъ какъ церковь есть единственный на землѣ домъ спасенія. Всѣ, кои не вошли въ ковчегъ, погибли во время потопа: всѣ, кои не войдутъ въ церковь, —погибнутъ" [1]).

„Какъ вѣтвь, отломившись отъ древа, не можетъ жить и засыхаетъ, такъ перестаетъ жить и всякій, кто какимъ либо образомъ отдѣляется отъ церкви Божіей. а черезъ то и отъ Господа (Іоан. 15, 6). Какъ въ тѣлѣ всякій членъ живетъ не своею, а общею всему тѣлу жизнію и, если отдѣлится отъ тѣла, умираетъ и истлѣваетъ, такъ и ни одинъ вѣрующій не живетъ особнякомъ, но живетъ общею всего сонма вѣрующихъ или всей церкви жизнію и. если отдѣлится отъ нихъ, замираетъ духовно и погибаетъ" [2]).

Но говоря о рѣшительной необходимости для спасенія состоять въ живомъ союзѣ съ церковью, разумѣется не всякая безъ разбора церковь, носящая имя христіанской церкви, а единая истинная церковь, свв. апостолами основанная и доселѣ вѣрно хранящая все, *яже къ животу и благочестію* (2 Пет. 1, 3) чрезъ нихъ въ ней богоучрежденное,— каковою церковью и есть наша православная—Восточная церковь и кромѣ ея никакая. Въ ней всѣ тайны вѣры и все разумѣніе истины; въ ней вся благодать и всѣ таинства, подающія ее; въ ней истинное пастырство, истинно ко спасенію руководящее; на ней почиваетъ благоволеніе Божіе, блюдущее ее и послушающее ея молитвеннаго гласа.

[1]) Начертаніе христіанскаго нравоученія. Еп. Ѳеофана [2]) Письма къ разнымъ лицамъ.

„Говоримъ: желающему спастись необходимо быть въ живомъ союзѣ съ истинною церковію Христовой. Почему? —Потому, что Господу угодно было въ ней единой совмѣстить все потребное для спасенія. Господь Спаситель, Упостасная Премудрость, принесъ въ Себѣ Самомъ на землю изъ тайницъ Тріединаго Божества всю спасительную премудрость и преподалъ ее сначала апостоламъ, заповѣдавъ имъ преподать и всѣмъ вѣрующимъ изъ всѣхъ языковъ. Апостолы предали ее, заповѣдавъ преемникамъ своимъ блюсти ее. И стала церковь—столпъ и утвержденіе истины, которая, водворившись въ ней пребываетъ и пребудетъ до скончанія вѣка.

„Хочешь вѣдать сію премудрость? Иди въ церковь православную, вѣрную блюстительницу всего преданнаго апостолами,—и у ней поучайся ей. Св. церковь православная есть сокровищница благъ спасенія. Что бы тебѣ ни нужно было для спасенія,—все то найдешь въ ней, и только въ ней. Помимо ея и Самъ Господь не даетъ сихъ благъ. Не потому, чтобы не могъ, а потому что такъ благоволилъ устроить Самъ Онъ, ставъ Главою церкви.

„Но кромѣ истины *Господомъ и благодать бысть* (Іоан. 1, 17). Воплотившись ради нашего спасенія, Онъ принесъ Себя въ жертву искупленія насъ и тѣмъ открылъ путь нисхожденію къ намъ Духа Святаго съ благодатными силами Своими. Отсюда два существеннѣйшія блага—*оправданіе* и *освященіе*. И ихъ оставилъ Господь на землѣ и ввѣрилъ Своей церкви.

„Въ церкви Божіей стоитъ непрерывно приносимая жертва Тѣла и Крови Господа, по заповѣди Его *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19), и въ той силѣ, въ какой благоугодно было Господу установить сіе учрежденіе, т. е. Тѣло ломимое и Кровь изливаемую, *во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. 26, 28). Господь ходатайствуетъ о насъ на небѣ предъ лицомъ Бога и Отца, но тамъ нѣтъ крови. Кровь Свою благоволилъ Онъ таинственно источать въ святой церкви Своей, яко Глава ея, въ таинствѣ Тѣла и Крови. Такъ оправдательный и ходатайственный покровъ простертъ и стоитъ надъ церковью, привлекая и препровождая къ намъ всякія милости Божіи. Хочешь быть причастникомъ сихъ милостей? Бывай сколько можно чаще на жертвѣ сей и общеніе съ ней держи, если не вкушеніемъ ея, то сокрушеніемъ и плачемъ.

„Кровная Жертва открыла путь нисхожденію къ намъ Св Духа. Но непосредственно Духъ Святый сошелъ только на апостоловъ: послѣ же нихъ благодать Св. Духа сообщается вѣрующимъ уже не иначе, какъ чрезъ особыя посредства или таинства, по указанію Господа, Духомъ Святымъ, чрезъ апостоловъ учрежденныя. И таинства сіи ввѣрены св. православной церкви и суть въ ней единой. И стала церковь сокровищницей не истины только, но и благодати.

„Чувствуешь потребность благодати? - Иди въ православную церковь, приступи къ таинствамъ и получишь благодать —всякую, какую взыщешь. Возрожденія ищешь?—взыщи его въ св православной церкви. Она,—и только она,—породитъ тебя водою и Духомъ въ таинствѣ св. крещенія. -Дара Духа Святаго ищешь?—взыщи его въ св. православной церкви. Она,—и только она,—преподастъ тебѣ его въ таинствѣ мѵропомазанія.—Согрѣшилъ, каешься и ищешь врачеванія душевныхъ ранъ и разрѣшенія узъ совѣсти?— Иди въ св. православную церковь. Она, и только она,—въ лицѣ пастырей своихъ пріявшая власть вязать и рѣшить разрѣшитъ тебя отъ грѣховъ и исцѣлитъ раны души твоей. Нужду имѣешь и ищешь преискренняго общенія съ Господомъ? —Иди въ св. православную церковь. Она,—и только она,—давъ тебѣ вкусить Тѣла и Крови Господа отъ жертвы Его, ею всегда приносимой, сдѣлаетъ, что ты будешь въ Господѣ и Господь въ тебѣ по неложному Его обѣтованію Ищешь положить благодатную основу семейству своему? —Иди въ св православную церковь. Она доставитъ тебѣ сіе благо, запечатлѣвъ благодатью брачный союзъ твой въ таинствѣ брака Немоществуешь тѣломъ и ищешь врачеванія?—Обращайся къ церкви святой. Она доставитъ тебѣ сіе благо и съ отпущеніемъ грѣховъ чрезъ таинство елеосвященія. Столько благодатныхъ сокровищъ ввѣрено св церкви; приставниками и раздаятелями поставлены сначала апостолы, а потомъ ихъ преемники, которые и сами получаютъ особую на то благодать чрезъ таинство священства въ церкви же Божіей.

„Такъ Ѵпостасная *Премудрость Божія, создавъ Себѣ домъ* св. церкви, *утвердила въ немъ столповъ седьмь* (Прит. 9, 1), семь источниковъ благодати.

„Потому никакъ нельзя думать, что можно устроять свое

спасеніе помимо участія и посредства церкви, когда безъ этого живого союза съ нею нигдѣ нельзя найти и получить благодатныя силы ко спасенію“ [1]).

„Но, съ другой стороны, изъ понятія о невозможности спасенія внѣ церкви, внѣ союза съ нею, не слѣдуетъ заключать, что достаточно одной видимой принадлежности къ церкви, ибо сей союзъ основанъ на свободѣ и ею поддерживается, и послѣ того, какъ христіанинъ вступитъ въ составъ тѣла церкви, онъ держится тамъ не противъ воли, а какъ бы самъ держа себя. Для сего онъ долженъ быть *истиннымъ членомъ* церкви, не по имени, а по духу, и дѣйствовать по условіямъ своего союза съ церковью, а именно: а) помнить обѣты, данные въ крещеніи Богу; б) хранить вѣрность имъ; в) благоговѣйно чтить преимущества, данныя съ именемъ христіанскимъ; г) воинствовать подъ знаменемъ креста, бодрственно отражая враговъ спасенія и *стремясь къ почести вышняго званія, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Филип. 3, 14 Еф. 4, 13) [2]) и д)—имѣть послушаніе и во всемъ повиноваться церкви, т. е. вѣровать, какъ вѣруетъ вся церковь, ея голосомъ повѣрять всякое свое или чужое соображеніе и разрѣшать всякое рождающееся недоумѣніе и не допускать ничего несогласнаго съ ученіемъ церкви, ибо она есть *столпъ и утвержденіе истины* (Тим. 3, 15). Кто сего не соблюдаетъ, тотъ *язычникъ и мытарь*, по слову Господа (Мѳ 17. 18)“ [3]).

VIII.

Обратимся теперь къ дальнѣйшему изложенію лютеранской догматики.

Послѣдовательность со стороны Лютера, уничтожившаго идею церкви, требовала видоизмѣненія взгляда и на самыя таинства Римско-католическая теорія таинствъ имѣла свои крайности, и смыслъ ея заключался въ чисто механическомъ дѣйствіи благодати, безъ всякаго живого отношенія вѣрую-

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Епиcк. Ѳеофана.

[2]) Начертаніе христ. нравоуч. [3]) Письма къ разн. лицамъ.

щаго къ этому дѣйствію. Благодать необходимо должна воздѣйствовать, какъ скоро употреблены извѣстныя, внѣшнія средства, есть лицо совершающее и произнесены извѣстныя слова. Человѣкъ можетъ не вѣровать въ это дѣйствіе, относиться къ нему равнодушно и, несмотря на то, оно будетъ имѣть для него силу, и благодать получится. Вѣра совсѣмъ не нужна, чтобы таинство имѣло силу.—Это крайнее воззрѣніе совершенно противорѣчило Лютерову началу оправдывающей вѣры, которая сама спасаетъ безъ посредствующихъ дѣйствій благодати, а если благодать и сообщается вѣрующему, то только внутреннимъ общеніемъ съ нею. На этомъ основаніи Лютеръ совершенно отвергъ дѣйствительное присутствіе благодати въ таинствахъ, и потому таинства стали не таинства, а лишь *знаки* нашего общенія со Христомъ, или *символы* нашего союза съ Богомъ. Помимо этого символизма они не имѣютъ никакого значенія и смысла. Спасеніе наше совершено однажды и навсегда Христомъ, и требовать еще особыхъ благодатныхъ дѣйствій значитъ уничтожать Его заслуги. На вопросъ: для чего же нужны эти безсодержательные въ себѣ знаки? Лютеръ отвѣчаетъ въ томъ же смыслѣ, т. е., что они нужны только для возбужденія нашей увѣренности въ спасеніи, которая слабѣетъ безъ внѣшняго напоминанія. Въ этой увѣренности вся сила таинства. Короче выразить такъ: таинство само по себѣ не имѣетъ благодати, но сообщаетъ ее человѣку, возбуждая вѣру.

По римско-католическому воззрѣнію благодать находится подъ вліяніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ *дѣйствій:* Лютеръ подчинилъ ее власти самого *человѣка*—его мысли и чувства. Въ обѣихъ этихъ крайностяхъ одинъ недостатокъ—односторонность. Католическая теорія забыла о духѣ и сердцѣ: Лютеръ забывалъ, что человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, живетъ не одною только мыслію. Первая унизила значеніе таинства до степени мертваго механизма,—второй совсѣмъ уничтожилъ ихъ дѣйствительное значеніе.

На основаніи такого воззрѣнія на таинство, Лютеръ нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отрицаетъ,—другія видоизмѣняетъ. Такъ: таинства мѵропомазанія, брака, елеосвященія и священства онъ отвергаетъ, какъ излишнія и не соотвѣтствующія цѣли. Первое, т. е. мѵропомазаніе, Лютеръ находитъ излишнимъ и допускаетъ только какъ благочестивый обрядъ.

Въ крещеніи,—говоритъ онъ,—грѣхъ прощенъ, и человѣкъ получилъ удостовѣреніе въ томъ, что онъ сынъ благодати. Зачѣмъ же еще мѵропомазаніе? Чтобы получить благодать для дѣятельности сообразной съ требованіемъ святости?.. Но дѣйствуемъ не мы сами, а Духъ благодати, и все, что не относится къ вѣрѣ, излишне. - Таинство брака онъ окончательно отвергаетъ, какъ не имѣющее вовсе никакого отношенія къ увѣренности въ спасеніи и не могущее развивать этой вѣры. По мнѣнію Лютера, оно только давало поводъ къ вмѣшательству церковной власти въ дѣла семейныя. Злоупотребленія, существовавшія въ то время, онъ считалъ униженіемъ значенія брака вообще и, чтобы *возвысить* его, онъ уничтожилъ таинодѣйственное значеніе брака христіанскаго, давъ полную безграничную свободу для вступленія въ него, не связывая никакими, какъ онъ выражался, предразсудками. Онъ не видѣлъ въ немъ ничего кромѣ инстинктуальнаго влеченія и забывалъ вовсе о нравственной его сторонѣ. Позднѣе сами лютеране принуждены были ограничить въ извѣстной мѣрѣ безусловную свободу касательно вступленія въ бракъ.

Таинство елеосвященія, по словамъ Лютера, не можетъ быть таинствомъ потому, что имѣетъ цѣлью исцѣленіе отъ болѣзней, а не утвержденіе въ вѣрѣ, такъ какъ съ нимъ не соединяется представленіе объ искупленіи. Излишне оно потому, что врачевство тѣлесное дается по самой вѣрѣ.

Но самое сильное негодованіе возбуждаетъ въ немъ таинство священства,—и понятно почему. Его идея церкви невидимой, состоящей изъ равноправныхъ членовъ, не допускала существованія лицъ особенно облагодатствованныхъ. Его понятіе о таинствахъ, какъ возбудителяхъ вѣры, посредствомъ которой духъ входитъ въ непосредственное общеніе со Христомъ, не могло допустить таинства противоположнаго этой цѣли, какъ поставляющее особыхъ посредниковъ между Христомъ и христіаниномъ. Такое таинство, по взгляду Лютера, было бы не возбужденіемъ, а подавленіемъ вѣры. Въ священствѣ онъ видѣлъ то, что отрицалъ въ папствѣ, а тайну священства считалъ *общимъ* достояніемъ, такъ какъ каждый дѣлается священникомъ съ того момента, какъ вступилъ въ царство благодати. А если и нужны особыя лица, вліяющія на народъ, для возбужденія въ немъ спасающей вѣры, то для этого достаточно быть обыкновеннымъ проповѣдникомъ и толкователемъ евангелія.

Отвергая эти таинства, Лютеръ оставляетъ таинства крещенія, покаянія и причащенія, но все же лишаетъ ихъ прежняго значенія. Таинство крещенія, по его ученію, не освобождаетъ насъ отъ первороднаго грѣха, а только удостовѣряетъ, что грѣхъ прощенъ и забытъ, но съ этимъ наша природа не измѣняется. Крещеніе—это отпускная грамота на всю жизнь, внѣшнее выраженіе нашего вступленія въ союзъ съ Богомъ, вслѣдствіе котораго мы получаемъ благодатныя силы, но не чрезъ это таинственное дѣйствіе, а путемъ невидимымъ, внѣ всякихъ внѣшнихъ условій.

Таинство покаянія Лютеръ считаетъ законнымъ, такъ какъ оно служитъ возбужденіемъ вѣры, чрезъ которую получается отпущеніе грѣховъ, но видимое совершеніе его, требующее устнаго исповѣданія грѣховъ, конечно, по его основному взгляду,—ложно. Зачѣмъ это открытое исповѣданіе, когда спасеніе есть дѣло внутреннее? Посредство священника разсматривается какъ средство властвовать надъ совѣстью.

До сихъ поръ Лютеръ былъ, до нѣкоторой степени, послѣдователенъ и вѣренъ своему началу;—таинства крещенія и покаянія онъ принималъ, какъ имѣющія ближайшее отношеніе къ спасающей вѣрѣ, уничтоживъ значеніе ихъ какъ дѣйствительныхъ проводниковъ благодати. Таинства: миропомазанія, брака, елеосвященія и священства отвергъ вовсе во имя того же начала личной вѣры, хотя въ этомъ и высказалъ всю односторонность своего взгляда, забывъ, что человѣкъ не обнимается всецѣло тѣмъ, что называется вѣрою, и что не одна только его мысль требуетъ благодатнаго освященія.

Но въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи онъ обнаружилъ шаткость убѣжденія, колебаніе мысли и невѣрность собственному общему взгляду на таинства. Евхаристія должна быть признана таинствомъ, потому что напоминаетъ о Голгоѳской жертвѣ, слѣдовательно о самомъ главномъ и важномъ предметѣ вѣры (вѣра въ заслуги Христа спасаетъ). Онъ силится остаться вѣрнымъ тому же принципу и въ дальнѣйшемъ анализѣ этого понятія, но не выдерживаетъ до конца. Въ силу своего понятія о Евхаристіи онъ отвергаетъ дѣйствительность пресуществленія хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа и не признаетъ Евхаристіи жертвою. Но такая мысль естественно вела къ тому, что въ таинствѣ Евхаристіи нѣтъ таинственнаго присутствія Спасителя. Вотъ тутъ

и произошло у Лютера раздвоеніе мысли и убѣжденія. Онъ очевидно самъ устрашился своего вывода и, отвергнувъ пресуществленіе, онъ хочетъ оставить мысль о таинственномъ присутствіи Христа въ Евхаристіи. Ему живо предносился образъ Христа, предъ Которымъ онъ повергался въ благоговѣйномъ трепетѣ, совершая Евхаристію въ качествѣ католическаго священника. Этотъ образъ былъ ему дорогъ и возбуждалъ воспоминанія самыя дорогія сердцу, и онъ не хотѣлъ разстаться съ мыслію о живомъ присутствіи Спасителя въ Евхаристіи. Напрасно швейцарскіе реформаторы и другъ его Меланхтонъ указывали ему на непослѣдовательность его ученія въ этомъ пунктѣ, что разъ отвергнуто пресуществленіе, ни къ чему уже не служитъ мысль о присутствіи Христа,—онъ, побѣжденный въ диспутѣ, не имѣя что сказать, замѣчаетъ, что тутъ нужно „не разсуждать, а вѣрить, вѣрить, вѣрить...“ и повторяетъ одно и тоже, сказано: *сіе есть Тѣло Мое...* *)—Словомъ онъ не хотѣлъ отказаться ни отъ того, ни отъ другого, вопреки всякой логики.

Вообще ученіе Лютера о таинствахъ сбивчиво и неопредѣленно. Проводится мысль, что благодать независима отъ внѣшнихъ дѣйствій, потому что подается вѣрой, но самая вѣра возбуждается таинствами,—слѣдовательно выходитъ, что благодать и независима и зависима. Въ реформатствѣ, съ его ученіемъ о предопредѣленіи, уже не оставалось мѣста для мысли о зависимости благодати ни въ какомъ отношеніи.

Поэтому и въ отношеніи таинствъ реформаторы Цвингли и Кальвинъ идутъ дальше Лютера, хотя и страшатся всецѣло отрѣшиться отъ прежнихъ воззрѣній, такъ какъ это было бы равносильно уничтоженію самаго понятія о таинствѣ. Таинство для реформаторовъ, также какъ и для Лютера, есть символъ. На крещеніе они смотрятъ также какъ на печать усыновленія вѣрующаго Христу. Но не то по отношенію къ таинству Евхаристіи въ которомъ реформаторы не только не допускаютъ пресуществленія, но и отрицаютъ присутствіе Христа, что не могъ отвергнуть Лютеръ. Они въ Евхаристіи видятъ только *воспоминаніе* о страданіяхъ Христовыхъ. По Цвингли: воспоминаніе о плодахъ смерти Христовой, независимыхъ отъ таинства и всегда одинаково

---

*) Характеръ протест. С-пб. 1871 г.

дѣйственныхъ, — вотъ сущность Евхаристіи. Вкушеніемъ же отъ хлѣба и вина, только свидѣтельствуется принадлежность къ одной братской общинѣ вѣрующихъ въ искупленіе. Впослѣдствіи онъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на Евхаристію, допустивъ, что чрезъ нее дѣйствительно сообщаются особые благодатные дары, но хлѣбъ и вино попрежнему остаются только символами этого сообщенія.

По Кальвину въ Евхаристіи вѣрующіе пріобщаются Христу невидимо, благодатно, духовно, питаясь отъ всего Его существа. Хлѣбъ и вино дѣйствительно сообщаютъ благодать, но вкушеніе ихъ не есть вкушеніе отъ Тѣла и Крови, а вообще *соединеніе со Спасителемъ*. Такимъ образомъ присутствіе Спасителя въ Евхаристіи ничѣмъ не отличается отъ Его *всегдашняго* невидимаго присутствія въ христіанской церкви Богочеловѣчествомъ, и что духовное соединеніе съ Нимъ въ Евхаристіи не есть что либо особенное [1]).

Итакъ, у протестантовъ таинство причащенія лишено двухъ, тѣсно съ нимъ соединенныхъ, таинствъ; священства и покаянія; таинство крещенія лишено послѣдующаго необходимаго таинства мѵропомазанія. Скажутъ: протестанты признаютъ необходимость покаянія, но для достойнаго причащенія Божественныхъ таинъ Тѣла и Крови необходимо покаяніе истинное, т. е. искреннее раскаяніе въ грѣхахъ и разрѣшеніе въ нихъ. Но каяться можетъ всякій человѣкъ, а разрѣшать только тотъ, кому дана отъ Бога власть вязать и рѣшить, то и является необходимость, кромѣ внутренняго чувства раскаянія, еще и во внѣшнемъ устномъ исповѣданіи грѣховъ предъ священникомъ, такъ какъ сказано, что грѣхъ неразрѣшенный на землѣ не будетъ разрѣшенъ и на небѣ. Такимъ же образомъ и крещеніе у протестантовъ, не имѣя послѣдующаго мѵропомазанія, является неполнымъ, такъ какъ, возрождая къ новой жизни, не даетъ дара Духа Святаго для преуспѣянія въ христіанской жизни [2]).

Разсмотримъ теперь каковъ истинный смыслъ трехъ таинствъ принимаемыхъ, но искаженныхъ протестантскимъ ученіемъ: крещенія, покаянія и причащенія, и почему необходимы отвергнутыя имъ прочія четыре таинства: мѵропомазанія, брака, елеосвященія и священства.

---

[1]) Характ. протест. С-Пб. 1871 г. [2])Письма о православіи. Кіевъ. 1873 г.

IX.

Какъ исповѣдуетъ св. соборная апостольская церковь о таинствѣ вообще?

„Таинство есть священное дѣйствіе, которое подъ видимымъ образомъ душѣ вѣрующаго сообщаетъ невидимую благодать Божію; для совершенія его требуется: приличное таинству вещество, законно рукоположенный священникъ и призываніе Духа Святаго въ извѣстной формѣ словъ“ [1]).

„Установлены таинства Господомъ чрезъ свв. апостоловъ, потому что ими запечатлѣвается вѣра“ [2]).

При разсматриваніи каждаго таинства отдѣльно съ точки зрѣнія православнаго ученія, мы увидимъ насколько необходимо при нихъ участіе самого человѣка вѣрою и сердцемъ.

Таинство крещенія, по ученію православному, „есть омытіе и истребленіе первороднаго грѣха чрезъ троекратное погруженіе въ водѣ съ произношеніемъ словъ: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь; послѣ чего человѣкъ примиряется съ Богомъ и ему отверзается входъ въ Царствіе Небесное, по словамъ Господа: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). При этомъ требуется отъ крещаемаго покаяніе и вѣра (почему и читается передъ симъ символъ вѣры), отреченіе отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его и обѣщаніе служить Богу [3]). При крещеніи младенцевъ обѣты произноситъ воспріемникъ, на которомъ лежитъ обязанность впослѣдствіи научить его вѣрѣ [4]).

Обратимся теперь къ истолкователю внутренняго значенія христіанскихъ таинствъ, епископу Θеофану.

„Крещеніе,—пишетъ онъ,—есть первое христіанское таинство, содѣлывающее христіанина достойнымъ сподобляться благодати и чрезъ другія таинства. Безъ него нельзя войти въ міръ христіанскій, т. е. сдѣлаться членомъ церкви. Предвѣчная Премудрость создала себѣ домъ на землѣ (церковь): дверь, вводящая въ сей домъ, есть таинство крещенія. Человѣкъ, рожденный во грѣхахъ, до крещенія носитъ въ себѣ

---

[1]) Православное исповѣданіе. Кіевъ. 1870 г. [2]) Простр. христ. катехизисъ. [3]) Православное исповѣданіе. [4]) Простр. христ. катехизисъ.

его ядъ, состоитъ въ немилости Божіей, поврежденъ и разстроенъ самъ въ себѣ и подчиненъ вліянію сатаны. Изъ купели онъ выходитъ совсѣмъ другимъ: крещеніе избавляетъ его отъ всѣхъ сихъ золъ, дѣлаетъ его чадомъ Божіимъ, исцѣляетъ поврежденную природу и изъемлетъ изъ подъ власти сатаны [1]). Почему крещеніе и есть возрожденіе и облеченіе во Христа. Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ получилъ благодать обновленія, грѣхъ уже не тиранствуетъ надъ нимъ; онъ можетъ приступать, влечь, соблазнять, но уже *не обладаетъ* (Рим. 6, 14) [2]). Св. Діадохъ, объясняя силу крещенія, говоритъ, что до крещенія грѣхъ живетъ въ сердцѣ, а благодать извнѣ дѣйствуетъ; послѣ же сего, благодать вселяется въ сердце, а грѣхъ влечетъ извнѣ. Благодать же нисходитъ на свободное желаніе и исканіе, и только взаимнымъ ихъ сочетаніемъ зачинается новая благодатная жизнь“ [3]).

Тутъ легко можетъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ можетъ исполнить это условіе крещаемый въ младенчествѣ, не имѣя ни разума, ни свободы? Епископъ Ѳеофанъ разъясняетъ и это:

„Благодать подается младенцу вся, въ надеждѣ, что младенецъ, когда придетъ въ сознаніе, самъ охотно приметъ благодать, добровольно посвятитъ себя Богу, возблагодаритъ, что подготовленъ къ этому и исповѣдуетъ, что, если бы имѣлъ сознаніе и свободу, поступилъ бы также. Такимъ образомъ, чрезъ крещеніе, въ младенцѣ полагается сѣмя жизни о Христѣ, но самая жизнь, зарожденная благодатію, станетъ его собственною съ минуты сознанія и избранія. Понятно само собою, что важная обязанность лежитъ на родителяхъ и воспріемникахъ, дѣйствовавшихъ за него, такъ вести крещеннаго, чтобы онъ, придя въ сознаніе, созналъ въ себѣ благодатныя силы и съ радостнымъ желаніемъ воспринялъ ихъ и сопряженныя съ ними обязанности“ [4]). „Потому въ св. православной церкви, дѣти чрезъ таинства крещенія и мvропомазанія пріемлютъ сѣмя истинно-духовной, благодатной жизни, которая потомъ развивается и воспитывается подъ сокровеннымъ вліяніемъ церкви, наипаче же причащеніемъ Св. Христовыхъ Таинъ. У дѣтей же отступниковъ

---

[1]) Путь ко спасенію. [2]) Письма къ разн. лицамъ. [3]) Путь ко спасенію.
[4]) Тамъ-же.

отъ церкви, духовная жизнь такъ и остается заглохшею, и изъ такого поколѣнія выходятъ люди душевно-тѣлесные безъ духа" *).

„Вообще же въ нравственномъ строѣ обращенія къ Господу, главный моментъ есть *рѣшеніе*, но пока оно не запечатлѣно таинственно благодатію, непрочно и безсильно. Рѣшившійся слѣдовать Господу, самъ ищетъ крещенія въ увѣренности, что въ немъ получитъ восполненіе всего, въ чемъ ощущается недостатокъ. Что дается въ крещеніи, то даръ Божій,— который подается однакожъ не безусловно. Условіе—сказанное рѣшеніе по вѣрѣ. Своеличное рѣшеніе, слабое по себѣ, облекается здѣсь силою свыше и съ чувствомъ силы о Господѣ говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. 4, 13). Тутъ благодать и свобода сочетаваются воедино и потомъ уже не разлучно дѣйствуютъ во все теченіе жизни, если не разлучитъ ихъ опять прившедшій грѣхъ".

„Слѣдовательно, кто крестится, тотъ дѣлается пріявшимъ въ себя Христа, по слову апостола: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27),— предъ крещеніемъ крещаемый исповѣдуетъ Христа Господомъ, читая символъ вѣры,—но не чрезъ это вселяется въ него Христосъ, а онъ только дѣлается способнымъ принять Его въ себя; самое же вселеніе совершается чрезъ св. крещеніе, т. е. рожденіе водою и духомъ (Іоан. 3, 5). Возрожденіе дѣлаетъ естество наше способнымъ принять, вмѣстить и хранить даръ Св. Духа; самое же подаяніе сего дара, совершалось особымъ таинствомъ—возложеніемъ рукъ апостольскихъ. Апостолъ Павелъ, придя въ Ефесъ, нашелъ тамъ увѣровавшихъ и спросилъ ихъ, приняли ли они Духа Святаго?—они отвѣчали, что не слыхали даже, что есть Духъ Святый;—во что же вы крестились? спросилъ апостолъ.—Во Іоанново крещеніе. Тогда св. Павелъ, объяснивъ имъ, что это было только подготовленіемъ къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, крестилъ ихъ христіанскимъ крещеніемъ и по крещеніи возложилъ на нихъ руки, и они пріяли Духа Святаго (Дѣян. 19, 1—6). Когда въ Іерусалимѣ стало извѣстно, что въ Самаріи было принято Слово Божіе, тогда апостолы послали къ нимъ Петра и

---

*) Письма къ разнымъ лицамъ. Еписк. Ѳеофана.

Іоанна, чтобы они помолились надъ ними, да пріимутъ Духа Святаго, такъ какъ ни на одного изъ нихъ еще не сошелъ Св. Духъ, а были они только крещены во имя Господа Іисуса. Пришедши, апостолы возложили на нихъ руки, и они приняли Духа Святаго (Дѣян. 8, 14—17).—Изъ сего видно, что крещеніе особо, а возложеніе рукъ особо,—и даръ Духа Святаго только по возложеніи! Возложеніе рукъ апостолы потомъ замѣнили мѵропомазаніемъ, которое и предали преемникамъ своимъ, какъ таинство, даръ Св. Духа подающее вѣрующимъ. Видно также и то, что благодать Св. Духа подается не мысленнымъ путемъ чрезъ одну вѣру, но путемъ видимымъ через таинство. Благодать же Св. Духа, какъ сила во спасеніе, необходима для насъ и только она одна сильна содѣвать въ насъ спасеніе наше“ [1]).

„Въ крещеніи и мѵропомазаніи благодать входитъ внутрь въ сердце христіанина и, пребывая въ немъ, вспомоществуетъ ему жить по христіански и восходить отъ силы въ силу въ духовной жизни [2]). Видимымъ же образомъ это подается чрезъ освященіе главнѣйшихъ частей нашего тѣла. Такъ мѵропомазаніемъ чела—освящается нашъ умъ или мысли; помазаніемъ груди—освящается сердце или желанія;—очей, ушей и устъ—освящаются чувства;—рукъ и ногъ—освящаются всѣ дѣла и все поведеніе христіанина“ [3]).

„Жизнь христіанская не есть жизнь естественная. Духъ Божій, проникая въ сердце, полагаетъ тамъ начало жизни по духу, очищаетъ и собираетъ воедино омраченныя и разбитыя черты образа Божія. Тогда пробуждается желаніе и свободное исканіе, потомъ нисходитъ благодать чрезъ таинства и, сочетавшись съ свободою, раждаетъ ревность. Но ревность не есть неизмѣняемое свойство, она можетъ угаснуть отъ собственнаго нерадѣнія, почему первымъ дѣломъ христіанина должно быть храненіе сей ревности, какъ и апостолъ заповѣдуетъ: *Духа не угашайте* (Ѳессал. 5, 19)“ [4]).

„Свобода всегда остается за человѣкомъ, и онъ можетъ пасть какъ бы высоко ни стоялъ. Правда, св. Іоаннъ Богословъ говоритъ, что *рожденный отъ Бога не согрѣшаетъ*, но тутъ же прибавляетъ: *но блюдетъ себе* (1 Іоан. 5, 18). И выходитъ,

---

[1]) Письма къ разн. лицамъ. [2]) Начерт. христ. нравоуч. Епис. Ѳеофана.
[3]) Простр. христ. катехизисъ. [4]) Путь ко спасенію.

что онъ не согрѣшаетъ потому, что блюдетъ себя. Не станетъ блюсти и согрѣшитъ. Сколько примѣровъ паденія святыхъ, мужей высокой жизни и даже апостоловъ" [1]. „Только силѣ Божіей свойственно поддерживать насъ неизмѣнными въ расположеніи, почему желающему жить по христіански опять потребуется благодать вспомоществующая; благодатная же помощь эта подается въ таинствѣ причащенія, а способность воспринимать и въ таинствѣ покаянія. Таинство причащенія, по ученію православному, есть такое таинство, въ которомъ вѣрующій, подъ видомъ хлѣба и вина, вкушаетъ самого Тѣла и Крови Христовыхъ для вѣчной жизни, такъ какъ въ семъ таинствѣ хлѣбъ и вино истинно пресуществляются въ Тѣло и Кровь Христовы. Установлено сіе таинство самимъ Господомъ передъ самымъ страданіемъ Своимъ. Причастивъ апостоловъ, Іисусъ Христосъ произнесъ: *пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое: пійте отъ нея вси, сія бо есть Кровь Моя Новаго Завѣта* (Мѳ. 26, 26—28), и въ то же время далъ имъ заповѣдь совершать всегда сіе таинство (Лк. 22, 19). Отъ каждаго желающаго приступить къ таинству причащенія требуется испытаніе своей совѣсти предъ Богомъ и затѣмъ очищеніе ея чрезъ покаяніе" [2].

„Жизнь души нашей есть Господь,—говоритъ еп. Ѳеофанъ,—и причащающійся бываетъ едино съ Господомъ, по слову Его: *ядый Мою Плоть и піяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56),- то какое благо можетъ быть для насъ выше и обильнѣе благотворными послѣдствіями, какъ св. причащеніе? Таинство Тѣла и Крови есть вечеря любви для вѣрныхъ, но прежде она есть Жертва. Истинная Жертва есть одна наша,—безцѣнная,—Тѣло и Кровь Христа Господа. Она непрерывно стоитъ въ церкви, соединяя небо и землю. Жертва безкровная Господомъ Іисусомъ Христомъ приносится, яко главою церкви со всѣми христіанами и имѣетъ силу потому, что совершителемъ ея Господомъ объединяется съ Его крестною, кровною Жертвой. Кровная Жертва таинственно потомъ совершаться должна была безкровно, въ силу того же таинства устроенія спасенія всѣхъ Жертвою. Ибо и здѣсь приносятся тѣ же самыя Тѣло и Кровь, кои восприняты Господомъ, и самое воспрія-

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Простран. христіан. катехизисъ.

тіе ихъ было началомъ жертвоприношенія. Тѣло и Кровь Господа, ставъ Жертвою, очищаетъ грѣхи и, чрезъ себя, сочетавая съ Господомъ приступающихъ къ Нему съ вѣрою въ таинствахъ, питаетъ ихъ таинственно Плотію и Кровію. Питающіеся же суть едино съ Нимъ" [1]).

„Причащаться же сему таинству должны всѣ вѣрующіе. Ибо Христосъ, не исключая никого, такъ заповѣдалъ: *Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, не піете крови Его, живота (вѣчнаго) не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). И апостолъ Павелъ пишетъ въ посланіи: *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріимъ хлѣбъ и благодаривъ преломи и рече: пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сія чаша Новый Завѣтъ есть въ Моей крови; сіе творите, елижды аще піете въ Мое воспоминаніе* (Кор. 11, 23—25)" [2]).

„Частое пріобщеніе св. Таинъ Христовыхъ, —говоритъ далѣе еп. Θеофанъ,—живо и дѣйственно соединяетъ съ Господомъ членовъ его, чрезъ пречистыя Тѣло и Кровь Его, освящаетъ его, умиротворяетъ въ себѣ и дѣлаетъ неприступнымъ для темныхъ силъ. Господь нашъ есть Лоза, а вѣрующіе въ Него—вѣтви; вѣтвь не живетъ, если она не на лозѣ,—такъ и вѣрующіе не живутъ, если не въ Господѣ. Нигдѣ нѣтъ жизни истинной, какъ только въ этой Лозѣ. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочетъ жить истинно, тотъ долженъ привиться къ ней, принимать отъ нея соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитіе и совершается во св. причащеніи,—здѣсь христіанинъ становится едино съ Господомъ.

„Жизнь не можетъ продолжаться безъ пищи сродной себѣ. А такого рода пища и есть Тѣло и Кровь Господа, какъ Самъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный* (Іоан. 6, 51). *Плоть Моя истинно есть брашно и Кровь Моя истинно есть питіе* (—55). Посему: *Ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки* (—51). Вотъ благодатный источникъ сохраненія и укрѣпленія нашей духовной жизни. И съ самаго начала христіанства, истинные ревнители благочестія поставляли первымъ благомъ частое пріобщеніе" [3]).

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Правос. исповѣд. [3]) Путь ко спасенію.

„Предъ причащеніемъ мы исповѣдуемъ Господа, говоря: *вѣрую, Господи, и исповѣдую* и пр... Но не это исповѣданіе вселяетъ Христа, а самое причащеніе Тѣла и Крови. Исповѣданіе же только отверзаетъ входъ Господу для принятія Его въ таинствѣ Тѣла и Крови Его. Такимъ образомъ, мы, въ силу крещенія и св. причащенія, содѣлываемся пріявшими Христа, а не въ силу одного исповѣданія Его, хотя это исповѣданіе мы и даемъ прежде тѣхъ таинствъ“ [1]).

Въ дополненіе къ сему скажемъ и о томъ, какое значеніе имѣетъ обычай православной церкви допускать къ таинству причащенія младенцевъ, чего нѣтъ въ протестантской практикѣ, гдѣ къ причащенію въ первый разъ допускаются уже въ юношескомъ возрастѣ.

Какъ, по изъясненію того же еп. Ѳеофана, младенцы сподобляются св. крещенія въ надеждѣ будущаго свободнаго посвященія себя Богу, и, такимъ образомъ, полагается въ нихъ сѣмя жизни о Христѣ. Младенецъ живетъ, слѣдовательно требуетъ пищи сродной положенному сѣмени. Какъ истинная пища и истинное питіе есть Тѣло и Кровь Господа, то ими и должно питать новую жизнь. Тѣмъ паче необходимо вкусить сей пищи на первыхъ порахъ, при первыхъ движеніяхъ этой новой жизни, чтобы положить, такъ сказать, основу жизни сообразной со Христомъ и зародить живую потребность общенія съ Нимъ, посредствомъ вкушенія Тѣла и Крови въ таинствѣ причащенія. Поступающіе такимъ образомъ замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащаютъ дитя, оно бываетъ спокойно, а иногда исполняется радостью и играніемъ духа“. [2]).

X.

Но „чтобы достойно воззвать съ пророкомъ: *чашу спасенія пріиму, имя Господне призову!* (Пс. 115, 4),—говоритъ приснопамятный митрополитъ Филаретъ,—нужно совершенно очиститься, нужно ощутить спасительную духовную жажду—и тогда вѣра подкрѣпитъ, надежда утѣшитъ, любовь просвѣтитъ: *да не въ судъ и не во осужденіе* (молитва предъ причащеніемъ) пріобщимся Тѣла и Крови Христовой“ [3]). „По-

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Путь ко спасенію. [3]) Записки о жизни и времени М. Филарета.—Н. В. Сушкова.

этому для достойнаго пріобщенія необходимо таинство покаянія, которое въ церкви православной называется вторымъ крещеніемъ, такъ какъ изглаживаетъ грѣхи, сдѣланные послѣ купели“ [1]).

При семъ таинствѣ, по ученію православному, требуется: сокрушеніе о грѣхахъ, съ твердымъ намѣреніемъ впредь исправить жизнь свою, устное исповѣданіе ихъ предъ духовникомъ, по ясному свидѣтельству свящ. Писанія: *прихodившіе креститься отъ Іоанна крещахуся вси во Іорданѣ рѣцѣ отъ него, исповѣдающе грѣхи своя* (Марк. 1, 5). *Мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя* (Дѣян. 19, 18). И апостолъ заповѣдуетъ: *исповѣдайте другъ другу согрѣшенія* (Іак. 5, 16).—Кромѣ того, необходимо, чтобы и кающійся и пріемлющій исповѣданіе были христіане православной каѳолической вѣры. Въ первомъ случаѣ потому, что покаяніе безъ истинной вѣры не есть покаяніе и не пріемлется отъ Бога, а во второмъ случаѣ потому, что духовникъ неправославный не имѣетъ силы разрѣшать грѣхи, такъ какъ власть эта перешла отъ Господа путемъ послѣдовательныхъ рукоположеній отъ апостоловъ къ ихъ преемникамъ—епископамъ и священникамъ. Силу же и дѣйствіе сіе таинство оказываетъ тогда, когда священникъ разрѣшитъ грѣхи, ибо въ это самое время чрезъ посредство священника прощаются они отъ Бога, по слову Христа: *пріимите Духъ Святъ; имже отпустите грѣхи, отпустятся и имже держите держатся* (Іоан. 20, 22, 23)“ [2]).

Тоже въ полнотѣ раскрываетъ и еп. Ѳеофанъ.

„Человѣкъ, потерявшій благодать крещенія грѣховною жизнію, чувствуетъ гнѣвъ Божій и отъ того исполняется страха и опасенія за свою вѣчную участь и зная, что отъ грозящей бѣды нельзя иначе избавиться какъ чрезъ покаяніе, онъ спѣшитъ приступить къ сему таинству. Оплакавъ грѣхи свои съ болѣзненнымъ сокрушеніемъ сердца и положивъ твердое намѣреніе исправить жизнь свою, онъ исповѣдуетъ грѣхи свои духовному своему отцу и въ моментъ разрѣшенія снова сподобляется спасительной благодати.

„Какъ разумъ назначенъ открывать человѣку иной духовный, совершеннѣйшій міръ, такъ совѣсть назначена къ тому,

---

[1]) Письма о православіи. [2]) Православное исповѣданіе. Кіевъ.

чтобы возвѣщать ему тамошніе законы, обязывать выполнять ихъ и судить по нимъ. Совѣсть есть такая сила духа, которая, сознавая законъ и свободу, опредѣляетъ взаимное отношеніе ихъ,—она есть голосъ Бога въ душѣ. Дѣйствуетъ она чрезъ разсудокъ, волю и чувства. Въ человѣкѣ грѣшникѣ, чрезъ грѣхъ удалившемся отъ Бога и разстроившемъ свои внутреннія силы, совѣсть не можетъ быть исправна. Совѣсть въ падшемъ—разбитое зеркало и не представляетъ дѣла какъ бы слѣдовало“ [1]).

„Почему и нельзя полагаться на судъ одной своей совѣсти; человѣку, находящемуся въ такомъ состояніи, самому очувствоваться нельзя, пока въ его грѣховной тьмѣ не возсіяетъ свѣтъ Божественной благодати. Когда все уничтожилось грѣхомъ послѣ возрожденія, то человѣкъ не иначе начинаетъ жить по духу, какъ когда воскресится въ покаяніи“[2]).

„Кто, получивъ прощеніе грѣховъ и благодать Св. Духа, опять согрѣшитъ, тотъ теряетъ сей даръ и оскорбляетъ Духа Божія, и снова надо искать его. Грѣхъ же очищается таинствомъ покаянія при священническомъ разрѣшеніи, такъ какъ отпущеніе грѣховъ при вѣрѣ всегда посредствуется таинствомъ,—иначе сіе не бываетъ и быть не можетъ“[3]). „Судя по многочисленности падающихъ по крещеніи, надо сказать, что покаяніе стало для насъ единственнымъ источникомъ истинно-христіанской жизни“ [4]).

„Приступая же къ Господу въ покаяніи, надо оплакать грѣхи, исповѣдать ихъ искренно и получить таинственное въ грѣхахъ разрѣшеніе отъ Господа, чрезъ уста духовника. Безъ исповѣди же и разрѣшенія хоть ты цѣлую жизнь промучься, ничего не получишь [5]). Какъ томимый жаждою отъ принятія воды чувствуетъ прохладу и подкрѣпленіе, такъ и горящій въ огнѣ раскаянія получаетъ въ таинствѣ покаянія услаждающую и укрѣпляющую силу. Божественная же благодать не низойдетъ на него, пока на небѣ не изгладится онъ изъ списка осужденныхъ, пока тамъ не получитъ онъ разрѣшенія. Богу угодно было небесное разрѣшеніе поставить въ зависимость отъ разрѣшенія связанныхъ грѣхами на землѣ. Но и власть разрѣшать Господь далъ не безусловно, а

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Е. О. [2]) Начерт. христіан. нравоученія.
[3]) Письма къ разнымъ лиц. [4]) Путь ко спасенію. [5]) Письма къ разн. лиц.

подъ условіемъ полнаго, всесторонняго раскрытія грѣховъ своихъ съ сокрушеніемъ о нихъ. Если это не выполнено, то можетъ случиться, что тогда, когда духовный отецъ будетъ произносить: прощаю и разрѣшаю,—Господь скажетъ: а Я осуждаю.

„Вотъ исповѣдь кончена. Духовный отецъ накрываетъ голову кающагося эпитрахилью и, держа на ней руку, произноситъ разрѣшеніе, запечатлѣвая его крестнымъ по главѣ знаменіемъ Что происходитъ въ это мгновеніе въ душѣ извѣстно всякому искренно каявшемуся. Потоки благодати отъ главы разливаются въ сердце и преисполняютъ его отрадою. Это—тайна Господа Цѣлителя и Успокоителя душъ..... Тѣмъ все завершается ...Остается поцѣловать крестъ и евангеліе въ знакъ обѣта—идти неуклонно путемъ, указаннымъ въ евангеліи, вслѣдъ Господа, подъ благимъ игомъ Креста.

„Въ притчѣ о блудномъ сынѣ,—отецъ принявъ раскаявшагося сына, падши на шею, облобызалъ его въ знакъ всепрощенія. Но родительское сердце не довольствовалось этимъ. Отеческая любовь даетъ то, чего и не ожидала сыновняя надежда,—онъ одѣваетъ его въ лучшую одежду и готовитъ свѣтлую вечерю. Всепрощеніе кающемуся Господь изрекаетъ въ таинствѣ покаянія:—облекаетъ же его силою и предлагаетъ вечерю—въ таинствѣ причащенія, гдѣ Господь Самъ даетъ ему Плоть Свою ясти и Кровь Свою пити. Это—вѣнецъ щедродательности Отца.

„Но Господь—Источникъ жизни, оживляющій причащающихся Его, есть вмѣстѣ и *Огнь поядающій* (Евр. 12, 29). Достойно причащающійся вкушаетъ жизни, а причащающійся недостойно вкушаетъ смерть. Хотя смерть эта не послѣдуетъ видимо, но невидимо всегда совершается въ духѣ и сердцѣ человѣка. Посему причащаясь должно приступать къ тому со страхомъ и трепетомъ и довольнымъ приготовленіемъ. *Да искушаетъ себе всякъ*,—говоритъ апостолъ,—*и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ* (Кор. 18, 28). Исповѣдь съ возненавидѣніемъ грѣха и обѣтомъ всячески удалиться отъ него дѣлаетъ духъ человѣка сосудомъ, способнымъ вмѣстить Невмѣстимаго Бога, по Его благодати. Когда грѣхи познаны, сокрушеніемъ извержены изъ сердца, исповѣдію съ обѣтомъ омыты, тогда сосудъ готовъ. Въ причащеніи приходитъ Господь и общится съ духомъ достойнаго, который чувствовать долженъ: *не убо*

есмь единъ, но съ Тобою [1]. (Молитва ко причащенію.)

Такимъ образомъ „таинства покаянія и св. причащенія, дающія благодать оправданія и благодать освященія, суть источныя въ жизни спасительной,—они развиваютъ, укореняютъ, возвышаютъ въ духѣ человѣка все потребное для спасенія. А безъ этого оно скоро засаривается, вянеть и глохнетъ“ [2].

XI.

Бракъ, по ученію православному, есть таинство и только въ такомъ видѣ можетъ быть святъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину: тайна сія велика есть. Азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. 5, 31, 32). Самое значеніе сего таинства свидѣтельствуетъ о его необходимости при супружескомъ союзѣ. Взаимное согласіе и обѣщаніе вѣрности благословляется церковью и испрашивается благодать чистаго единодушія къ благословенному рожденію дѣтей“ [3]. „Честный бракъ установленъ церковью во избѣжаніе блудодѣянія“ [4].

„Церковь запечатлѣваетъ благодатію брачный союзъ въ таинствѣ брака и тѣмъ полагаетъ благодатную основу семейной жизни,—говоритъ еп. Ѳеофанъ [5]. Отъ супружества — счастье временное и даже спасеніе вѣчное. Поэтому къ нему приступать должно не съ легкомысліемъ, а съ осторожностью и молитвой. Добрымъ супружествомъ благословляетъ Богъ. Ища супружества, не предполагай дурныхъ цѣлей, кромѣ той, которую опредѣлилъ Богъ.—Когда выборъ конченъ, должно произойти сочетанію, таинственному отъ Бога сліянію духовно-тѣлесному, и затѣмъ хранить союзъ дружескій разумно и духовно, какъ даръ благодати. Естественный союзъ по любви есть союзъ дикій, мрачный,—здѣсь онъ очищается и освящается, по молитвѣ церкви, Божественною благодатію. Трудно самому одному устоять въ союзѣ крѣпкомъ

---

[1]) Путь ко спасенію. [2]) Письма къ разн. лиц. [3]) Простр. христ. катихизисъ. [4]) Православное исповѣд. [5]) Письма къ разн. лицамъ.

и спасительномъ Пити естества рвугся.—Благодать—непреодолима“ [1]).

Таинство елеосвященія признаваемо было въ числѣ семи таинствъ во всѣ времена и на востокѣ и на западѣ въ православной церкви, какъ установленное Самимъ Христомъ; ибо когда Онъ посылалъ учениковъ Своихъ по два, то они *помазывали масломъ многихъ больныхъ и исцѣляли* (Мар. 6, 13) [2]). Апостолы предали сіе таинство своимъ преемникамъ, священно-служителямъ церкви, что видно изъ слѣдующихъ словъ апостола Іакова: *болитъ ли кто у васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне; и молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. 14, 15) [3]). Такимъ образомъ елеосвященіе есть таинство, въ которомъ чрезъ молитву и помазаніе тѣла освященнымъ елеемъ, сообщается больному благодать, исцѣляющая немощи его тѣлесныя и вмѣстѣ душевныя.

„Но всѣ сіи таинства требуютъ непремѣнно таинства священства, такъ какъ необходимы лица, отъ лица Божія дѣйствующія, которыя бы учили вѣрѣ, освящали благодатью чрезъ таинства и руководили въ жизни, -необходимы пастыри богодарованные и богопоставляемые. Ихъ и учредилъ Господь. Онъ избралъ нѣкоторыхъ учениковъ и, приготовивъ ихъ къ особенному служенію, возложилъ на нихъ обязанность учить и крестить (Мѳ. 28, 19), совершать Евхаристію (Лук. 29, 19), отпускать и прощать грѣхи (Іоан. 20, 21, 23), и такимъ образомъ распространять и управлять основанной Имъ церковью. По воскресеніи же Своемъ, явившись имъ сказалъ: *якоже посла мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И сіе рекъ дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 21). И апостолы удостовѣряютъ: *той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія, въ созиданіе Тѣла Христова* (Еф. 4, 11, 12). Господь послалъ апостоловъ, чтобъ *шедше вѣрѣ научили*, наученныхъ *крестили*, крещенныхъ и наученныхъ *наставляли блюсти все запо-*

---

[1]) Начертаніе христ. нравоученія. [2]) Православное исповѣд. [3]) Простр. христ. катехизисъ.

вѣданное (Мѳ. 28, 19. 20). Но какъ апостолы были не вѣчны, дѣло же ихъ должно пребывать во вся вѣки, то они всюду, по Божію повелѣнію, оставляли чрезъ рукоположеніе, вмѣсто себя, преемниками пастырей и учителей. *Рукоположше имъ пресвитеры на вся церкви* (Дѣян. 14, 23) И ни одно общество христіанское не было оставляемо безъ пастырей рукоположенныхъ" [1]). „Эти пастыри и составляютъ священноначальное епископство и подначальное священство. Такъ Тимоѳей и Титъ, къ которымъ апостолъ Павелъ писалъ свои посланія, были епископы Извѣстно также изъ многихъ мѣстъ писанія, что во времена апостоловъ ими поставлялись пресвитеры и діаконы. Епископство—корень пастырства,—оно благодать отъ Бога изливаетъ чрезъ священство на всѣхъ вѣрующихъ" [2]).

Посему „таинство священства—верхъ таинствъ благодатныхъ: ибо безъ него остались бы недѣйственными и всѣ другія таинства,—и церковь превратилась бы въ безблагодатную" [3]).

И благодать Св. Духа, необходимая для священства, не прерывалась ни на одну минуту отъ Самого Господа и до послѣдняго смиреннаго священно-служителя, который совершаетъ божественную литургію въ православномъ храмѣ, хотя бы, по грѣхамъ своимъ, онъ и оказался недостойнымъ Протестантство не признаетъ ни іерархіи, ни священства, и это отнимаетъ печать освященія даже и у тѣхъ таинствъ, которыя они желали бы у себя сохранить, т. е. у таинствъ евхаристіи и крещенія Ибо тѣ, которые совершаютъ сіи таинства, необходимо должны быть сами исключительно посвящены Богу, такъ какъ простые міряне сего недостойны. Безъ сомнѣнія также, что такое освященіе, какъ благодать священства, должно быть преподаваемо отъ другихъ, болѣе возвышенныхъ и освященныхъ, лицъ, имѣющихъ на то законное право, которое они въ свою очередь приняли отъ своихъ предмѣстниковъ

У протестантовъ нѣтъ епископовъ, потому что Лютеръ, будучи самъ только священникомъ, не могъ, слѣдовательно, преподать другимъ священства, которое вправѣ законно пре-

---

[1]) Письма къ разн. лиц. [2]) Начертаніе христ. правоуч. [3]) Письма къ разнымъ лицамъ.

подавать только епископъ. Поэтому пасторы, которые лишь избираются мірянами, но не имѣютъ преемственной благодати Духа Святаго, не могутъ быть почитаемы за священниковъ, такъ какъ, не будучи сами посвящены, не могутъ освящать Тѣло и Кровь нашего Господа [1]).

„Рукоположеніе не обрядъ,—пишетъ митрополитъ Филаретъ,—по поводу возникшаго въ то время вопроса о соединеніи американской церкви съ православною, въ отвѣтъ на попытку доказать непрерывность апостольскаго рукоположенія въ англійской церкви,—рукоположеніе—это въ сущности таинственное дѣйствіе благодати, это есть токъ іерархической благодати, изліявшейся на апостоловъ сошествіемъ Св. Духа, чрезъ преемственныя рукоположенія, сообщающій дарованіе Божіе епископу, который преподаетъ въ меньшей мѣрѣ благодать священства. Съ пресѣченіемъ рукоположенія пресѣкается токъ іерархической благодати, и рука, не орошенная благодатію свыше, не можетъ передать другимъ того, чего сама не приняла“ [2]).

По ученію православной церкви, священство бываетъ двоякое: духовное, которое имѣютъ всѣ православные христіане, какъ видно изъ словъ апостола: *заклался и искупилъ еси Богови насъ Кровію Своею отъ всякаго колѣна и языка... и сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и іереи* (Апок. 5, 9, 10) для приношенія молитвъ, благодареній и подвиговъ духовныхъ, къ чему увѣщеваетъ св. апостолъ Петръ говоря: *и сами яко каменіе живо зиждитеся въ храмъ духовенъ.... возносите жертвы духовны, благопріятны Богови* (1 Петр. 2, 5). Другое священство таинственное, производимое чрезъ возложеніе рукъ, для раздаянія Божественныхъ таинъ. Сіе священство имѣетъ особую силу и власть разрѣшать грѣхи людямъ и учить или пасти стадо Христово [3]). *Тако насъ да разумѣетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей Таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1). *Внимайте убо себе и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа Кровію Своею* (Дѣян. 20, 28).

„Такъ Упостасная Премудрость Божія, создавъ себѣ домъ

---

[1]) Письма о православіи. [2]) Записки Н. В. Сушкова. [3]) Православное исповѣданіе.

св. церкви, утвердила въ немъ столповъ седмь—семь источниковъ благодати, и всѣхъ приходящихъ къ ней, по ея призыванію, обильно питаетъ и напаяетъ благодатію. Возрожденіе къ новой жизни подается только въ церкви, чрезъ таинство крещенія. Даръ Духа Святаго ниспосылается чрезъ таинство мѵропомазанія. Отпущеніе грѣховъ, въ какіе кто впадетъ по крещеніи, бываетъ не ради одного сокрушенія и мысленнаго ихъ исповѣданія Богу, но при семъ по исповѣданіи ихъ духовному отцу, чрезъ разрѣшеніе отъ него. Живѣйшее общеніе съ Господомъ совершается чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Его въ таинствѣ Евхаристіи. Благодатная сила на продолженіе апостольскаго дѣла созиданія церкви подается чрезъ рукоположеніе архіереевъ и священниковъ. Два брачущихся лица сочетаваются воедино таинствомъ брака. Болѣзни врачуются таинствомъ елеосвященія. — Вотъ всѣ семь потоковъ Божественной благодати, дѣйствующихъ въ св. православной церкви. И иного пути къ полученію благодати нѣтъ“ [1]).

„Зная же, что есть у насъ неистощимые сосуды благодати, намъ надлежитъ *радоваться и благодарить* Господа за нихъ, *благоговѣть* предъ ними, какъ предъ величайшею святынею и *чаще пріобщаться* тѣхъ, коихъ должно, вѣруя несомнѣнно въ спасительную, сокрытую въ нихъ, силу. *Приступать* къ нимъ какъ должно и *хранить* принятую чрезъ нихъ благодать.— Чѣмъ выше даръ, тѣмъ опаснѣе должно обходиться съ нимъ“[2]).

XII.

Кромѣ св. таинствъ въ церкви православной есть еще нѣкоторые благочестивые обычаи. Такъ, напримѣръ, обыкновеніе ограждать себя крестнымъ знаменіемъ, совершать празднованія въ честь Господа, Матери Божіей и святыхъ, воздавать благоговѣйное поклоненіе съ молитвеннымъ обращеніемъ св. мощамъ и иконамъ, молитва и постъ. Теперь скажемъ словами того же еп. Ѳеофана о первыхъ двухъ: о крестномъ знаменіи и о праздникахъ. О прочемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Письма къ разн. лиц. [2]) Начертаніе христ. нравоуч.

„Кто кладетъ крестное знаменіе, тотъ безъ словъ исповѣдуетъ Господа, за насъ претерпѣвшаго крестное распятіе и смерть. Св Василій Великій свидѣтельствуетъ, что полагать крестное знаменіе установлено апостолами, и что крестное знаменіе, съ вѣрою полагаемое, отражаетъ невидимыхъ враговъ. Господь крестомъ разрушилъ всю силу вражію; знаютъ сіе враги и бѣжатъ отъ крестнаго знаменія. Христіанинъ безъ крестнаго знаменія — что воинъ безъ оружія. Крестнымъ знаменіемъ освящаются всѣ Божественныя таинства и всякая вещь потребная для жизни“ [1]).

По толкованію св. Андрея Неокесарійскаго, крестное знаменіе во время антихриста послужитъ отличіемъ людей Христовыхъ [2]).

Что обычай полагать крестное знаменіе съ молитвой есть апостольскаго происхожденія, свидѣтельствуется во многихъ мѣстахъ Четьи-Миней.

О праздникахъ вотъ что пишетъ преосвященный Ѳеофанъ:

„Дни всѣ равны, но что бываетъ въ тотъ или другой день не все равно. Праздники установлены для благодарнаго воспоминанія благодѣяній Божіихъ, которыя были явлены въ тотъ или другой день. Въ этотъ день всѣ мысли вѣрныхъ обращаются къ воспоминаемому благодѣянію, чтобы полнѣе его уразумѣть, восчувствовать и благодарно прославить. Вотъ и праздникъ“ [3]). „Праздникъ не праздность, а празднованіе, т. е. отрадное ликованіе духа ради сознанія великихъ милостей Божіихъ“ [4]).

„Кромѣ того, праздники имѣютъ воспитательное значеніе. Они оживляютъ и углубляютъ вѣру, воспитываютъ духъ благочестія и жизнь по вѣрѣ, ибо, отрывая отъ житейскаго, обращаютъ къ духовному, возгрѣваютъ въ душѣ небесныя чувства. Кто какъ слѣдуетъ совершитъ праздникъ въ церкви, по церковному, тотъ едва ли уклонится на что либо небогоугодное. А безъ праздниковъ, нынче житейское, завтра житейское и послѣ завтра тоже, — и такъ безъ конца. Чего ожидать отъ такого порядка кромѣ оземлененія всѣхъ помышленій и чувствъ? Слѣдствіемъ безпраздничности непремѣнно должно быть оскудѣніе благочестиваго духа. Все что

---

[1]) Письма къ разн. лицамъ. [2]) „Камень вѣры“. Стеф. Яворск. [3]) Письма къ разн. лицамъ. [4]) Начерт. христ. нравоученія.

есть и установлено въ церкви есть законъ для каждаго изъ насъ, и нашъ долгъ повиноваться церкви. Покорность церкви есть покорность Богу. Въ ней все установлено Богомъ, иное какъ необходимое, другое какъ полезное, то какъ утѣшительное, это какъ благоукрасительное. Почему вѣруемъ, что исполняя все отъ души, мы Богу служимъ. Богъ же Духъ есть, но мы Ему благоугождаемъ, дѣйствуя видимо тѣлесно, ибо дѣйствуемъ съ *духовнымъ* настроеніемъ“ [1]).

Но возвратимся къ дальнѣйшему развитію Лютерова ученія.

XIII.

Мы видѣли уже, что его идея вѣры, мысленнымъ путемъ вводящая человѣка въ общеніе съ благодатію, отвергла всякое посредство между вѣрующимъ и Искупителемъ, и Лютеръ во имя этого уничтожилъ всякое значеніе іерархіи въ царствѣ благодати. Но остались еще посредники высшіе, по ту сторону міра, въ царствѣ славы—это прославленные святые. Этотъ новый вопросъ стоялъ въ тѣсной связи съ ученіемъ о небесной церкви. И на этотъ разъ Лютеръ оказался послѣдовательнымъ и отвергъ почитаніе святыхъ, которое ему казалось униженіемъ достоинства Спасителя, какъ Единаго Ходатая между Богомъ и людьми, и что святые, подобно церковной іерархіи, лишь отдаляютъ вѣрующихъ отъ Искупителя.—Хотя Лютеръ и признаетъ ихъ за людей облагодатствованныхъ, но, по его мнѣнію, благодать сдѣлала все сама, и потому просить ихъ ходатайства значитъ смѣшивать заслуги Христа съ человѣческимъ безсиліемъ. По его воззрѣнію небесные предстатели только историческія лица, о которыхъ можно говорить и вспоминать съ уваженіемъ. Отсюда же вытекаетъ и его отрицаніе почитанія мощей и иконъ. Это значило бы, по его взгляду, смѣшивать представленіе благодатной силы съ бездушной матеріей, а дни ихъ празднованій есть остатокъ дохристіанскаго понятія. Для подтвержденія своихъ взглядовъ, онъ не вдавался въ исторію древней церкви, которая вся была противъ него, а указывалъ лишь на злоупотребленія римской.

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ.

Католическое духовенство дѣйствительно не чуждо было, особенно въ темное средневѣковое время, самыхъ грубыхъ обмановъ и распространяло, ради своихъ выгодъ, суевѣріе въ народѣ, и Лютеръ въ этомъ отношеніи былъ правъ. Но злоупотребленіе не основа для отрицанія того, чѣмъ злоупотребляютъ. Но не одно это, конечно, руководило имъ, а его общее ложное воззрѣніе всегда и во всемъ вынуждало къ крайностямъ.

Нравственный союзъ потомковъ съ умершими историческими дѣятелями, ограничивающійся воспоминаніемъ первыхъ о послѣднихъ, — союзъ мертвый. Союзъ же царства благодати съ царствомъ славы — союзъ живой, дѣйственный: это одно царство Божіе, раздѣленное временемъ. Различіе лишь въ томъ, что члены церкви земной еще ведутъ борьбу, для членовъ церкви небесной — она уже кончилась, и потому они могутъ предстательствовать за своихъ земныхъ собратій. Лишая тѣхъ и другихъ этого общенія, Лютеръ разрываетъ живой союзъ. Такимъ образомъ самое представленіе о благодати является у него лишь *отвлеченнымъ понятіемъ*.

У католиковъ, кромѣ того, между церковью земною и небесною существуетъ еще область, на которую вліяетъ съ одной стороны іерархія, съ другой сонмъ святыхъ. Это есть искаженіе древняго вселенскаго ученія о перѣшенномъ состояніи душъ по смерти и о молитвѣ за нихъ, извѣстное въ римской церкви подъ названіемъ „чистилища" которое впослѣдствіи исказилось до понятія о чувственномъ чистилищномъ огнѣ. Для освобожденія душъ отъ этого огня присоединено ученіе о сокровищницѣ святыхъ съ ихъ сверхдолжными дѣлами, и папѣ усвоено право переносить излишекъ дѣлъ съ одного на другого. Отсюда явились „индульгенціи", которыя освобождаютъ умершихъ отъ чистилищнаго огня, а живыхъ отъ всякихъ грѣховъ - прошедшихъ и будущихъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ смотря по количеству денегъ. Для этого въ римской куріи составлены даже особыя „таксы", въ которыхъ подробно обозначено за какую плату можно изгладить тотъ или другой грѣхъ и на какое время. Такимъ образомъ выходило, что человѣкъ могъ спокойно погрязать въ порокахъ, тѣмъ болѣе, что индульгенціи давались иногда на сотни и тысячи

лѣтъ, и тѣмъ оплачивалась безнаказанность грѣха по смерти цѣлыхъ поколѣній. Ясно, что самый актъ спасенія становился торговымъ договоромъ, а личность человѣка совершенно исчезала, замѣняя одна другую.

Такое рѣзкое выраженіе крайностей католическаго взгляда на оправданіе, конечно, не могло не вызвать въ Лютерѣ жестокихъ нападковъ, но онъ, по обыкновенію не умѣя остановиться во время, впадаетъ въ другую крайность и совсѣмъ отвергаетъ ученіе и о небесной церкви, и о почитаніи святыхъ, и о молитвѣ за умершихъ, включая сюда и Евхаристію какъ жертву за живыхъ и мертвыхъ. Вообще его догматическое воззрѣніе становилось все болѣе и болѣе отвлеченнымъ, и богослуженіе и вся обрядность были уничтожены.

Впрочемъ, нынѣшніе протестанты стараются нѣсколько оживить мертвенность своихъ богослужебныхъ формъ, но насколько это послѣдовательно съ точки зрѣнія лютеранскихъ началъ предоставимъ судить имъ самимъ, — тѣмъ не менѣе, самый этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о неудовлетворенной потребности религіознаго чувства.

Тоже неопредѣленное понятіе проникаетъ и въ самую жизнь. Вѣра сама раждаетъ добрыя дѣла, и человѣкъ не участвуетъ въ нихъ дѣятельно, — онъ лишь мертвое орудіе благодати. Поэтому и самая христіанская нравственность была лишена своего истиннаго значенія и даже понималась какъ свобода дѣйствій во имя вѣры. Такъ оказались лишними посты и всякого рода подвиги. Монашество подверглось уничтоженію.

Монашество римской церкви несило мрачный подавляющій характеръ и, въ связи съ рѣзкими злоупотребленіями, конечно непріятно дѣйствовало на реформатора, — но къ отрицанію самыхъ монашескихъ началъ его привело, съ одной стороны, оправдывающая вѣра, а съ другой – отвращеніе къ подвигу. Въ сущности же говоря вѣрнѣе, что именно это личное отвращеніе и чувство своей неспособности къ монашеской жизни и двинуло его на путь лжи и крушеній. Онъ не хотѣлъ просто отказаться отъ непосильнаго обѣта, а придумалъ цѣлую сѣть новыхъ положеній, во имя которыхъ онъ могъ бы смотрѣть на свое отреченіе отъ обѣта, какъ на дѣло правое и святое.

Не мирясь съ жизнью въ стѣнахъ монастырскихъ, онъ съ

жадностью впивался въ тѣ мѣста Писанія, гдѣ раскрывалась мысль о благѣ оправданія, о радостяхъ оправданнаго сердца... и съ дерзкой беззастѣнчивостью пропускалъ совершенно тѣ мѣста, гдѣ говорилось о дѣятельномъ участіи человѣка въ дѣлѣ спасенія и о высшихъ подвигахъ самоотверженія. Въ своемъ увлеченіи онъ дошелъ до того, что гордо заявилъ,— что міръ христіанскій, требующій подвига, не понялъ сущности христіанства.— Послѣдующіе лютеранскіе богословы указывали даже на неестественность подвиговъ и на ихъ нехристіанское будто бы происхожденіе.

Съ точки зрѣнія физіологической и психологической, подвиги не могутъ считаться неестественнымъ явленіемъ потому, что дѣйствительность выставляла и выставляетъ множество фактовъ, какъ христіанскаго подвижничества, такъ и индѣйскаго и буддійскаго аскетизма. Но въ корнѣ и основѣ первое отъ послѣднихъ глубоко отличается, и въ этомъ различіи христіанскаго подвижничества и находится его оправданіе.

Въ заключеніе должно сказать, что въ противоположность католицизму, который силится уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, подчинить себѣ безусловно жизнь гражданскую, Лютеръ всецѣло церковную жизнь подчиняетъ гражданской. Всякія послѣдующія уклоненія отъ всѣхъ этихъ крайностей обнаруживаютъ лишь несоотвѣтствіе основнымъ началамъ, завѣщаннымъ Лютеромъ протестантству. [1])

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію ученія церкви восточной о небесной церкви, о почитаніи святыхъ и ихъ мощей и иконъ; укажемъ на то, какое значеніе имѣютъ ея богослужебныя формы, что она требуетъ отъ своихъ членовъ, какъ смотритъ на монашество и въ какихъ отношеніяхъ состоитъ съ государствомъ и обществомъ.

XIV.

„Церковь вообще, по ученію православному, дѣлится на два вида, составляя въ то же время одно цѣлое *единое тѣло о Христѣ* (Рим. 12, 4, 5). *Одни* члены ея еще пребываютъ на землѣ и находясь въ борьбѣ - составляютъ церковь *воин-*

---

[1]) Характеръ протестанства. С-Пб. 1871 г.

ствующую; *другіе* уже перешли изъ сей жизни, упокоены въ царствіи небесномъ и составляютъ церковь *торжествующую*, почему и общеніе ихъ также тѣсно, какъ общеніе членовъ въ тѣлѣ. Что это живое и тѣсное общеніе существуетъ, видимъ изъ словъ апостола: *приступисте къ Сіонской горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тьмамъ ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. 12, 22, 24). *Нѣсте странни и пришельцы, но сожителие святымъ* (Еф. 2, 19)" [1]

„Ангелы и человѣки и вся разумная тварь, объединившись единому, служатъ всеблагому Богу" [2]. Такое общеніе остающихся еще здѣсь съ тѣми, которые уже на небесахъ, есть новая сила, пріобрѣтаемая церковью [3].

„Но разъ есть такой живой союзъ, то непремѣнно существуютъ и отношенія между тѣми и другими. Такъ какъ отшедшіе святые уже *усовершенствовашись, предсташи предъ Бога и пребываютъ* предъ лицемъ Его, какъ дѣти съ дерзновеніемъ, простирая къ Нему молитвы, прешли отъ немощи и *стали сильны* по благодати Господней, то и вполнѣ разумно воздавать имъ чествованіе, какъ полнѣйшимъ сосудамъ Божества, Имъ прославленныхъ" [4].

На то, чтобы просить ходатайства святыхъ, мы имѣемъ много основаній въ свящ. писаніи, „да и какъ можетъ быть, чтобы тѣ, которые на землѣ изобиловали любовью, не были проникнуты ею же еще болѣе, находясь у Самого Источника Любви" [5].

Мы призываемъ святыхъ, какъ друзей Божіихъ, и требуемъ помощи ихъ не потому, чтобы они могли помогать намъ собственною силою, но для того, чтобы они испросили намъ у *Бога* благодати. Сами апостолы молились за другихъ (Фил. 1, 4) и просили молитвъ о себѣ (Рим. 15, 30. 2 Кор. 1, 10 14. Дѣян. 12, 5). Но по смерти святые еще болѣе молятся о своихъ братьяхъ *и двадцать четыре старца .. падоша на лица своя и поклонишася Богу глаголюще... Господи Боже Вседержителю... пріиде время дати мзду рабомъ Твоимъ . боящимся Имени Твоего, малымъ и великимъ* (Апок. 11, 16—18) [6].

Если святые будутъ судить міръ (1 Кор. 6, 2), то тѣмъ

---

[1]) Начерт. христ. правоуч. [2]) Письма къ разнымъ лицамъ. [3]) Письма о православіи. [4]) Начерт. христ. правоуч. [5]) Письма о православіи. [6]) Православное исповѣданіе.

болѣе и ходатайствуютъ о немъ. Сколько примѣровъ въ библіи, что Господь миловалъ грѣшниковъ ради молитвъ святыхъ мужей. По словамъ того же писанія, достаточно заслуги десяти праведниковъ, чтобы спасти цѣлый отверженный городъ, а мы, послѣ сего, еще не хотимъ вѣрить въ дѣйствительность заслугъ и молитвъ святыхъ, которые уже со Христомъ!—Отрицать посредничество святыхъ не значитъ ли нарушать общеніе со всѣми тѣми, кто окружаетъ Господа въ Новомъ Іерусалимѣ [1]).

Призывая святыхъ мы никоимъ образомъ не унижаемъ достоинства заслугъ Спасителя, а напротивъ, презирая ихъ посредничество, оскорбляемъ величество Божіе, не уважая тѣхъ, кои свято служатъ предъ Нимъ. Самъ Богъ велѣлъ друзьямъ Іова просить его, чтобы онъ принесъ жертву и помолился за нихъ, дабы для него простилъ имъ грѣхъ ихъ (Іов. 42, 8) [2])

Точно также „благочестія есть дѣло мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ почитати и тѣмъ достодолжную честь воздавати“ [3]).

Еще въ Ветхомъ завѣтѣ было много примѣровъ тому, что останки людей, угодившихъ Богу, особенно почитались, совершали исцѣленія и воскрешали мертвыхъ. И если тѣнь Петра (Дѣян. 5. 15) и платки и полотенца Павла (—19, 12) имѣли силу исцѣлять болѣзни, то тѣмъ болѣе самыя ихъ мощи. Св. Кириллъ Іерусалимскій пишетъ, что не только души святыхъ должны быть почитаемы, но и тѣлеса ихъ, какъ имѣющія особую силу. Св. Амвросій, еп. Медіоланскій, говоритъ: „почитайте убо тѣло, еже Христа прослави во оружіи, еже со Христомъ восцарствуетъ во славѣ“. Древняя вселенская церковь также всегда благоговѣйно почитала мощи мучениковъ и святыхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ историки: Сократъ, Ѳеодоритъ, Созоменъ, также и о чудесахъ бывшихъ отъ мощей. И блаженный Августинъ, книги котораго признаютъ сами протестанты, въ своемъ сочиненіи „О градѣ Божіемъ“ говоритъ, что отъ мощей св. первомученика Стефана происходили чудеса: слѣпые прозрѣвали и воскресали мертвые. „Нѣсть убо Богу противно св. мощей почитаніе, но

---

[1]) Письма о православіи. [2]) Православное исповѣданіе. [3]) „Камень вѣры“. Стеф. Яворск.

угодно Ему есть. Онъ Единъ святъ по существу, а прочіе святы причастіемъ святыни Его". Мы почитаемъ мощи, какъ жилища Св. Духа. *Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Духа Святаго суть* (1 Кор. 6, 19), какъ источники исцѣленій и какъ орудія, которыми Богъ творитъ чудеса. Въ почитаніи св. мощей нельзя видѣть идолопоклонства уже потому, что мы поклоняемся останкамъ тѣхъ, которые пролили кровь свою за низложеніе идоловъ, и потому, что поклоненіе имъ мы воздаемъ не Божеское, а какъ друзьямъ Божіимъ: *Мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже* (Пс. 138, 17) [1].

Въ отвѣтъ на то, что нельзя представленіе о благодатной силѣ смѣшивать съ бездушной матеріей,– укажемъ на примѣры: жены кровоточивой, прикоснувшейся къ ризѣ Господней, слѣпорожденнаго, получившаго исцѣленіе отъ Господа чрезъ бреніе и купель силоамскую и на ап. Павла, платки и полотенца котораго возлагали на больныхъ для исцѣленія, и заключимъ словами святителя Филарета: „Благодать сопутствуетъ святымъ при жизни, не оставляетъ ихъ и за гробомъ. Она даруетъ имъ силу врачеванія, утѣшенія, умиренія и т. п. Сила Христова производитъ нетлѣніе мощей и чудодѣйствуетъ черезъ нихъ. Мощи святыхъ убѣдительнѣе словъ поучаютъ благочестію" [2].

То же должно сказать и о святыхъ иконахъ.

И въ Ветхомъ Завѣтѣ были примѣры, что изображенія поставлялись для почитанія, и это не считалось идолопоклонствомъ, такъ напримѣръ: мѣдный змій, повѣшенный на древѣ, изображенія херувимовъ, осѣняющихъ Кивотъ Завѣта; но когда іудеи, вообще склонные къ идолопоклонству, стали воздавать змію поклоненіе какъ Божеству, тогда было повелѣно уничтожить мѣднаго змія [3].

На седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ было установлено почитаніе честныхъ иконъ, не съ тѣмъ чтобы поклоняться ихъ веществу, а тѣмъ лицамъ, которыя изображены на нихъ. Ибо каждый разъ, какъ мы благоговѣйно взираемъ на иконы, возбуждаемся къ памятованію и любви ихъ первообразовъ и къ воздаянію имъ подобающаго почитанія. И,

---

[1] „Камень вѣры" Стеф. Явор. [2] Записки Н. В. Сушкова. [3] Православное исповѣданіе.

кромѣ того, для людей неграмотныхъ священныя изображенія замѣняютъ книги и дѣйствуютъ на душу сильнѣе словъ [1]). Примѣръ тому видимъ въ св. князѣ Владимірѣ.—Самъ Господь Іисусъ Христосъ послалъ изображеніе Своего Пречистаго Лица Едесскому князю Авгарю. Евангелистъ Лука написалъ образъ Божіей Матери, носящей Предвѣчнаго Младенца.

Если іудеи, взирая на мѣднаго змія, получали избавленіе отъ жестокой болѣзни, если тѣнь Петра исцѣляла больныхъ, то почему не можетъ этого быть отъ свв. иконъ, особенно Богомъ прославленныхъ? Когда Матерь Божія увидѣла Свое изображеніе, написанное Евангелистомъ Лукой, то пророчески произнесла: „благодать Рождшагося изъ Меня и Моя да будетъ съ тѣми иконами". Та же благодать, присущая и другимъ иконамъ на всемъ пространствѣ христіанской исторіи, совершаетъ многоразличныя чудеса, и многія изъ этихъ чудесъ признаваемы не только неправославными христіанами, но и магометанами и язычниками [2]).

Разъ удостовѣрившись въ правильности православнаго ученія о почитаніи святыхъ, основаннаго на непререкаемыхъ доказательствахъ, и о почитаніи ихъ свв. мощей и иконъ, окажется вполнѣ понятнымъ, почему дни празднованія ихъ памяти должны почитаться особенно благоговѣйно. На это можетъ отвѣтить даже простой житейскій опытъ. Если дни кончины или рожденія какихъ либо историческихъ лицъ, или выдающихся представителей науки, искусства и т. п. отличаются отдаленнымъ потомствомъ и исключительно посвящаются ихъ памяти и прославленію заслугъ, то почему же заслуги святыхъ должны быть преданы забвенію?

„Сохраняя живое общеніе съ небесными предстателями, церковь земная,—пишетъ еп. Ѳеофанъ,—не забываетъ и тѣхъ собратій своихъ, которые отошли въ вѣчность въ вѣрѣ и уповаціи, но участь коихъ, однакоже, неизвѣстна съ опредѣленной рѣшительностью. И они не отдѣляются отъ насъ, пребывая въ томъ же домѣ церкви, а потому и наши обязанности къ нимъ не прекращаются, хоть становятся иными. Умершимъ одна отрада—молитва, потому мы обязаны приносить за нихъ молитвы, милостыню и, главное, безкровную жертву" [3]).

---

[1]) „Камень вѣры". [2]) Тамъ же. [3]) Начерт. христ. нравоуч. Е. Ѳ.

Протестанты, расторгая произвольно эту единственную связь, какъ будто вмѣстѣ съ тѣломъ погребаютъ и самую душу, не хотять болѣе вспоминать отшедшихъ на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ Когда умреть протестантъ — надъ нимъ молятся только въ ту минуту, когда его погребаютъ и потомъ оставляютъ навсегда безъ молитвы. Не такъ въ православной церкви: она начинаетъ свои молитвы объ усопшемъ съ самой минуты смерти и продолжаетъ ихъ вѣчно, такъ какъ знаетъ, что души отходять въ разныхъ степеняхъ грѣха и не могуть уже измѣнить его ни покаяніемъ, ни дѣлами, — то она, изъ побужденій материнской любви и, слѣдуя древнѣйшему преданію апостольскому, приноситъ за нихъ спасительную жертву Тѣла и Крови Христовыхъ [1]).

Что такая молитва о усопшихъ есть дѣйствительно апостольскаго происхожденія видно изъ того, что въ литургіи св. апостола Іакова уже приносятся молитвы за усопшихъ. Св Василій Великій говорить, что жертва и молитвы подаютъ облегченіе и миръ душамъ, въ адѣ находящимся. Св. Кириллъ Іерусалимскій говоритъ, что особенную пользу приноситъ молитва за усопшихъ, соединенная съ принесеніемъ безкровной жертвы И въ Ветхомъ Завѣтѣ извѣстны были жертвы за умершихъ, какъ напримѣръ Іуды Маккавея [2]). А во времена апостоловъ не только молились, но даже и крестились за умершихъ [3]).

„Какъ за младенцевъ крещаемыхъ обязуются воспріемники, замѣняя младенцевъ въ томъ, чего исполнить они не могутъ сами собой, такъ относительно отшедшихъ, кои перешли съ дѣйствительнымъ началомъ истинной жизни, не доведеннымъ до конца, — то чего они сами не могуть исполнить для сего исполняеть для нихъ общество вѣрующихъ: жертва безкровная, сочетаваясь съ единою жертвой крестной, ходатайственно восходить оть всѣхъ и ходатайствомъ своимъ покрываетъ тѣхъ, за кого приносится. - Послѣ отшедшіе воздають вѣрующимъ за ихъ любовь своими о нихъ молитвами“ [4]).

Что можетъ быть возвышеннѣе и милосерднѣе сего чуднаго ученія церкви православной, которая творить всѣ члены зависящими другъ отъ друга и взаимно помогающими одинъ

---

[1]) Письма о православіи [2]) Простр. христ. катехизисъ [3]) Письма о православіи. [4]) Письма къ разнымъ лицамъ.

другому. Души умершихъ не расторгають въ часъ смертный духовныхъ узъ, соединявшихъ ихъ съ общею матерью и, томясь по своей грѣховности во мракѣ и удаленіи отъ истиннаго Свѣта-Христа, держатся за сію спасительную связь, которая подаетъ имъ надежду достигнуть когда либо царства небеснаго, не довольно ими оцѣненнаго на землѣ, но однако не совсѣмъ отвергнутаго [1]).

Но при этомъ церковь православная рѣшительно отвергаетъ католическое ученіе о „чистилищѣ" (purgatoire) и ея молитвы и милостыни, приносимыя за усопшихъ, никоимъ образомъ не могутъ относиться къ такому дикому понятію, какъ сверхдолжныя дѣла, переносимыя съ одного на другого, и еще болѣе несообразному значенію „индульгенцій". Переходное же состояніе отшедшихъ душъ древне-вселенская церковь всегда признавала, но и это не имѣетъ ничего общаго съ чистилищнымъ огнемъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ самыхъ твердыхъ поборниковъ православія на флорентинскомъ соборѣ, св. Маркъ, митрополитъ Ефесскій: „латины признаютъ и огонь вѣчный и огонь временный, который называютъ чистилищнымъ. Они исповѣдуютъ очищеніе душъ огнемъ такимъ образомъ, что душа, много согрѣшившая, освобождается только послѣ долгаго мученія, — менѣе виновная разрѣшается скорѣе. Но греки, основываясь на св. писаніи, признаютъ одинъ вѣчный огонь, но не отвергаютъ и того, что души, обремененныя грѣхами, проходятъ мѣсто мрака и плача, будучи лишены Божественнаго свѣта, но освобождаются онѣ отъ сихъ мрачныхъ и плачевныхъ мѣстъ — молитвами, безкровной жертвой и милостыней, а не огнемъ" [2]).

Иначе церковь называетъ это прохожденіемъ мытарства: отъ слова мытарь, чѣмъ выражается какъ бы взиманіе дани съ души за грѣхи, содѣянные въ жизни. Страшные мытари — злые духи, совѣтчики наши въ дурныхъ дѣлахъ, обвиняютъ и обличаютъ, предъявляя свои права на обладаніе душой [3]). Вотъ почему такъ важны молитвы церкви, которыя могутъ преклонить человѣколюбіе Божіе и избавить насъ отъ нашихъ обличителей.

По ученію православному „души умершихъ до всеобщаго

[1]) Письма о православіи. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же.

воскресенія находятся: праведныя во свѣтѣ, покоѣ и предначатіи вѣчнаго блаженства, а грѣшныя въ противоположномъ сему состояніи. Полное же воздаяніе по дѣламъ предопредѣлено получить полному человѣку по воскресеніи тѣла и послѣднемъ судѣ Божіемъ. Поэтому душамъ отшедшимъ съ вѣрою, но не успѣвшимъ принести плодовъ покаянія, къ достиженію блаженнаго воскресенія вспомоществовать могутъ приносимыя за нихъ молитвы, особенно соединенныя съ приношеніемъ безкровной жертвы Тѣла и Крови Христовыхъ и благотворенія съ вѣрою совершаемыя въ память ихъ" [1]. — Но церковь православная не опредѣляетъ, подобно западной, предѣла и числа дней для очищенія душъ, она не творитъ насилія Богу [2].

XV.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ кругъ богослуженій, совершаемыхъ въ православной церкви.

На разсвѣтѣ совершается утреннее богослуженіе, — тутъ повторяются всѣ трогательныя молитвы, составляющія основаніе христіанской жизни, читается псалтирь Давидова, столь назидательная и утѣшительная для нашего сердца, тутъ ежедневно воспоминаются подвиги святыхъ, которые церковь предлагаетъ намъ къ подражанію. Затѣмъ совершается Божественная литургія, которая служитъ воспоминаніемъ искупительной жертвы Христовой и на которой возносятся молитвы за живыхъ и усопшихъ [3]. „Здѣсь каждодневно приносится безкровная жертва Богу, — Тѣло и Кровь Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умилостивлять Его: — пріобщайся къ сему жертвоприношенію и самъ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ и приноси на алтарь Господень слезу, чтобы она, вмѣстѣ съ безкровною жертвой, восходила предъ лице Бога и, напоминая Ему о тебѣ, низводила на тебя Его благословеніе" [4]. Въ часъ вечерній церковь опять созываетъ къ молитвѣ, чтобы ею закончить проведенный день. — Каждый день недѣли посвященъ какому либо духовному

---

[1] Простр. христ. катехизисъ. [2] Письма о православіи. [3] Тамъ же.
[4] Письма къ разнымъ лицамъ.

воспоминанію. Еще не умолкли однѣ радостныя пѣсни церковныя, какъ уже слышатся другія [1]. „И черезъ ухо, и черезъ око польются въ тебя всякаго рода уроки. Слушая апостолъ, евангеліе, пророковъ—поучаемся; внимая пѣснопѣніямъ вразумляемся: смотря на священнодѣйствія -возносимся горѣ, вникая въ ихъ значеніе и смыслъ. Изображенія напоминаютъ о славныхъ дѣлахъ изображенныхъ и побуждаютъ къ подражанію. Въ церкви и неграмотные становятся не менѣе грамотныхъ вѣдцами Божественныхъ таинъ спасенія, если внимаютъ. Церковь же научитъ и молитвѣ: потребность молитвы какъ искра западетъ въ сердце дѣйствіемъ благодати и разовьется въ пламень вѣяніемъ церковнаго воздуха, приучастіи въ ея молитвенныхъ послѣдованіяхъ" [2].

Имѣющіеся въ св. православной Церкви четыре поста полны особеннаго значенія. Постъ Рождественскій зоветъ насъ гласомъ церковныхъ гимновъ къ Виѳлеемской колыбели Предвѣчнаго Младенца, раждающагося ради нашего спасенія; Петровскій постъ возвѣщаетъ намъ о проповѣди апостоловъ, которые къ сему великому подвигу готовились молитвою и постомъ. Постъ въ честь Богоматери приготовляетъ насъ къ молитвенному созерцанію Ея благодатнаго Успенія. Наконецъ такъ называемый Великій постъ, или св. четыредесятница, возводитъ насъ по духовнымъ степенямъ покаянія къ торжеству изъ торжествъ Свѣтлаго Воскресенія, и до того проникнуты духомъ умиленія всѣ ея богослуженія, что можетъ смягчится самое ожесточенное сердце. Страстная седмица живописуетъ намъ дивными чертами всѣ искупительныя страданія, смерть и погребеніе нашего Спасителя. Среда и пятокъ, какъ дни преданія и смерти Господа, постоянно почитаются постомъ [3].

Заповѣдь о постѣ и молитвѣ протестанты называютъ вымысломъ человѣческимъ. Но что постъ и молитва не суть измышленія человѣческія врядъ ли нужно доказывать. Въ евангеліи неоднократно поминается, какъ Самъ Господь, Который требовалъ Себѣ поклоненія въ духѣ, посѣщалъ храмъ Іерусалимскій, называя его *домомъ Отца и домомъ молитвы* (Мѳ. 21, 13), исполнялъ всѣ требованія іудейскаго закона до тѣхъ поръ, пока не кончился Ветхій Завѣтъ,

1) Письма о православіи. 2) Письма къ раскольникамъ. 3) Письма о правосл.

часто удалялся отъ народа для молитвы. Наконецъ Онъ далъ образецъ какъ мы должны молиться, несмотря на то, что Самъ вѣдаетъ все прежде прошенія нашего. И апостолы сами, находясь въ молитвѣ и пощеніи, тоже заповѣдали и христіанамъ. Также и относительно поста мы имѣемъ прежде всего примѣръ въ Господѣ Спасителѣ нашемъ, хотя Онъ же сказалъ, что *не входящее во уста сквернитъ человѣка*.. (Мѳ. 15, 11). Постъ и молитва, по слову Господа, есть единственное средство для борьбы со страстями (Мѳ. 17, 21).

„Смотря на внѣшній чинъ,— пишетъ еп. Ѳеофанъ,—иной можетъ еще придти къ вопросу: какая отъ сего польза? но содержа въ мысли существо дѣла и значеніе священнодѣйствія церковнаго, никто не задастъ подобнаго вопроса. То же должно сказать и о постѣ и милостынѣ, что существо и въ нихъ составляетъ духъ съ какимъ совершаются, а не видимость въ какой является; въ пощеніи существо дѣла не въ одномъ лишеніи пищи, а при этомъ въ духѣ покаяннаго сокрушенія, равно какъ и милостынетвореніе должно происходить изъ внутренняго расположенія и имѣть цѣлію исполненіе заповѣди Божіей и славу Имени Его" [1]). „Иногда случается, что, почитая добродѣланіе окончательными добродѣтелями, думаютъ съ нимъ однимъ обойтись, и о Господѣ не помышляя, и о любви забывая. Но такое добродѣланіе не свято бываетъ, а безжизненно. Не внѣшняя постановка даетъ ему цѣну, а внутреннее расположеніе. Но нельзя небречь и о внѣшнемъ, замышляя ограничиться однимъ внутреннимъ. Вдовица не получила бы одобренія, если бы, имѣя желаніе, не положила бы ничего, ссылаясь на свою бѣдность. Ее бы никто не осудилъ, но тогда она не явила бы и такого расположенія, которое выдѣлило ее изъ ряда другихъ и сдѣлало славною во всемъ христіанскомъ мірѣ" [2]).

„Такимъ образомъ, покорные сыны церкви, начиная тѣлесно, достигаютъ духовности, а тѣ, которые отрицаютъ необходимость внѣшняго, начиная мнимою духовностію — мечтами о ней, остаются совсѣмъ оголенными.

„Отступившіе отъ церкви въ оправданіе свое церковные порядки обзываютъ *матеріализаціей* христіанства, долженствующаго будто быть чисто духовнымъ, ибо Богъ Духъ

[1]) Письма къ разн. лицамъ. [2]) Мысли на каждый день года. Еп. Ѳеофана.

есть, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною долженъ кланяться. Скажемъ на это: христіанство въ высшей степени духовно, ибо благодатно, но невидимо. И христіане истинные въ высшей степени духовны, ибо непремѣнно облагодатствованы, — но не безплотны. Почему при всей духовности наивысшей они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу, въ самыхъ духовнѣйшихъ движеніяхъ сердецъ своихъ. Возбуждается въ сердцѣ потребность и желаніе вознестись къ Богу съ прошеніемъ или благодареніемъ. Это вызываетъ извѣстное молитвенное дѣйствованіе тѣломъ, которое, бывъ совершено, являетъ дѣло молитвы совершенной, въ коей внутреннее и духовное соединено съ внѣшнимъ и тѣлеснымъ. То же есть и каждое священно-служеніе. Это рядъ молитвенныхъ дѣйствій, вытекающихъ изъ потребностей духа: но какъ мы заключены въ пространство и время,—то всякое такое служеніе требуетъ своего времени, мѣста, порядка и обстановки, —все это обозначается словомъ *обрядъ* и составляетъ необходимость по условіямъ нашего земного существованія,—но не существо служенія, которое собственно заключается въ духѣ вѣры совершаемыхъ и возносимыхъ молитвословій. Зародившееся въ душѣ вызвало соотвѣтствующее дѣйствіе тѣломъ. Таковы и всѣ наши церковные молитвенные обряды. Они всѣ совмѣщают въ себѣ духовнѣйшія молитвословія, и кто участвуетъ въ совершеніи ихъ, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ *духомъ* ходитъ, выражая то и рядомъ внѣшнихъ дѣйствій. Внѣшній же строй церкви и всѣ ея порядки —не суть главное, а служатъ только къ выраженію, воспитанію и огражденію внутренняго, нравственно-религіознаго строя христіанъ. И кто остановился бы вниманіемъ на одномъ внѣшнемъ, не проходя до внутренняго и все существо служенія поставилъ бы во внѣшнемъ, не думая о внутреннемъ, тотъ обнаружилъ бы грубое невѣдѣніе дѣла. Но мы полагаемъ силу не во внѣшнемъ чинѣ, а во внутреннемъ духѣ; —священникъ съ присущими совмѣщаютъ въ себѣ церковь, и молитва тутъ бывающая столько же сильна, сколько сильна вся церковь въ цѣломъ ея составѣ. Внѣшнія же церковныя молитвословія и чины вводятъ въ соприкосновеніе съ церковью, преисполненной небесныхъ силъ. Если же для устроенія образа нашего спасенія надлежало

духовнѣйшему Богу сверхъестественно воплотиться и дѣйствовать тѣлесно, - то какъ же можно намъ, естественно-тѣлеснымъ, содѣвать свое спасеніе безтѣлесно, мысленно, духовно?

„Духъ Святый непосредственно сошелъ только на апостоловъ и то однако-жъ въ видѣ огненныхъ языковъ. И блага Свои благодатно-духовныя Господь благоволилъ заключить въ вещественные сосуды - Божественныя таинства и пользоваться ими повелѣлъ видимо-тѣлесно. Тѣло соприкасается вещественному, сокрывающему въ себѣ духовно-благодатное, и передаетъ сіе духу нашему, въ которомъ пріятелище для этого устрояется чрезъ духовное настроеніе.

„Говорятъ: много слишкомъ у насъ обрядовъ.— Много отъ того, что насъ много и потребностей у насъ много, начиная съ минуты рожденія и до самой смерти. Св. церковь такъ и обнимаетъ своею церковностью всего человѣка и во всю жизнь:—она принимаетъ его въ свои объятія тотчасъ по рожденіи, сопутствуетъ ему по всему теченію жизни и препровождаетъ его на тотъ свѣтъ. Въ церкви Божіей ничего не заведено безъ нужды, а все учреждено въ удовлетвореніе духовныхъ потребностей, вызванныхъ жизнію. Отягощеніе чѣмъ либо церковнымъ обличаетъ тяготящагося въ отчужденіи отъ церкви.

„А если иногда церковность обращается въ одну форму, то это наша вина, а не неизбѣжная принадлежность церковности;—таковы мы, что своимъ невниманіемъ самые назидательные порядки обращаемъ въ бездѣйственныя формы. Нельзя же поэтому отмѣнить ихъ вовсе? Но слѣдуетъ поставить закономъ такъ пользоваться церковностью, чтобы она не обращалась въ форму. Внѣшній чинъ церкви есть риза Господня, самая же церковь - Тѣло Его. Кровоточивая, коснувшись края ризы Господа, привлекла къ себѣ цѣлительную Его силу.

„Итакъ все это видимо, а между тѣмъ питаетъ духъ и раститъ духовную жизнь. Здѣсь конецъ видимаго—невидимое, тѣлеснаго—духовное, земного—небесное“ [1]).

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. Еп. Ѳеофана.

XVI.

„Много грѣшатъ тѣ,—говоритъ еп. Ѳеофанъ,—которые, лишь только родилось какое недоумѣніе, тотчасъ переходятъ на сторону его и вражески готовы выступить противъ вѣры, мечтая въ тоже время, что они начинаютъ дѣйствовать возвышеннымъ нѣкоимъ образомъ, не то что иные слѣпцы....Коль скоро есть недоумѣніе противъ какого либо догмата, то ему и вѣрить нечего, потому что иначе вѣра будто будетъ ужъ не вѣра, а суевѣріе. Нѣтъ, это и есть—дѣтская вѣра, безпрекословно вѣрящая Богу Отцу своему! Ее то и требовалъ Господь: *если не будете какъ дѣти, не внидите въ царство небесное* (Мѳ. 18, 3). И такая вѣра не есть слѣпая, но она ясно видить во что вѣруетъ и почему вѣруетъ. Но основаній для этого у ней немного, а одно - потому вѣруетъ, что Самъ Богъ повелѣлъ такъ а не иначе вѣровать,—основаніе самое разумное. Ибо Богъ никогда ничего не дѣлаетъ и не говоритъ, что было бы противно Его свойствамъ, и что Богъ сказалъ, то уже всеконечно есть совершеннѣйшая истина, противъ которой неумѣстны возраженія. И знаетъ она ясно, во что вѣруетъ, потому что все ей раскрываетъ и разъясняетъ св. церковь. У насъ нерѣдко такой вѣрѣ противополагаютъ вѣру разумную, подъ которой разумѣется вѣра ученая, которая не довольствуется тѣмъ основаніемъ, что—„Богъ такъ повелѣлъ и вѣрую“,—но ко всему примѣшиваетъ соображенія своего ума и, когда начнетъ говорить о предметахъ вѣры, то говоритъ такъ, какъ будто это постиженіе его ума, стыдясь даже помянуть, что такъ Богъ повелѣлъ, видя въ этомъ униженіе уму. На это скажу: никакого нѣтъ грѣха доискиваться нѣкоторыхъ умовыхъ соображеній въ уясненіе предметовъ вѣры. Это дѣлали и свв. отцы. Но надо замѣтить, что къ существу вѣры это ничего не прибавитъ и есть совсѣмъ побочное или придаточное дѣло, и кто набралъ себѣ такихъ соображеній не имѣетъ у Бога преимуществъ передъ тѣмъ, кто не имѣетъ ихъ. И какъ ни мудръ будетъ умъ, все ему окончательно надо стоять на томъ, что -Богъ такъ повелѣлъ и вѣрую Но само собой разумѣется, что когда дается предпочтеніе своимъ соображеніямъ,—вѣра слабѣетъ и теряетъ свое значеніе, а гдѣ только своимъ соображеніямъ

вѣрятъ, тамъ и совсѣмъ вѣры нѣтъ, а есть умствованія о вѣрѣ. Для ума конечно многое непостижимо,—но вѣдь вѣруемъ не потому, что умомъ дошли, а потому, что такъ Господь сказалъ. Уму тутъ нечего и дѣлать, какъ только принять слово Господне или оставаться невѣромъ и ждать участи невѣровъ"[1]). Почему и сказано: *безъ вѣры невозможно угодити Богу: вѣровать же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11, 6). Изъ этого слѣдуетъ, что должно вѣровать и показывать плоды истинной вѣры.

„Вѣра безъ любви и добрыхъ дѣлъ,—говорится въ православномъ катехизисѣ,—есть недѣйствующая и мертвая, а потому не можетъ привести къ вѣчной жизни", и съ другой стороны: „человѣкъ, не имѣющій вѣры въ Бога, не можетъ истинно любить Его: *кая польза, братіе моя, аще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не иматъ; еда можетъ вѣра спасти его; якоже бо тѣло безъ духа мертво есть, тако и вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іаков 2, 14, 26). *Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ* (Іоан. 14, 21, 23)" [2]).

„Спросятъ: а какже говорится, что кто вѣру имѣетъ спасенъ будетъ и что безъ вѣры и угодить Богу нельзя?—Это говорится въ показаніе, что спасеніе отъ добрыхъ дѣлъ, въ которыхъ преуспѣть какъ должно безъ вѣры нельзя. Вѣра подвигаетъ на добрыя дѣла, вѣра указываетъ ихъ, вѣра приводитъ и къ полученію силъ на дѣланіе ихъ. Но это не значитъ, что кто вѣруетъ, тотъ и Богу угодилъ. Богу угодить иначе нельзя, какъ покорностью Ему и точнымъ исполненіемъ Его воли, выраженной въ заповѣдяхъ"[3]).

По ученію же Лютера совершенно наоборотъ—спасеніе есть дѣло произвола личнаго понимапія,—что самъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать, еслибъ даже хотѣлъ, т. к. паденіе совершенно уничтожило въ немъ нравственныя силы, что онъ лишенъ свободы и только благодать чрезъ вѣру дѣйствуетъ за него. На этомъ понятіи о паденіи перваго человѣка и держится все его ученіе объ оправданіи вѣрою, что онъ высказалъ однажды такъ: „если падетъ наше ученіе объ

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Правосл. христіан. катехизисъ. [3]) Письма къ разнымъ лицамъ.

оправданіи, то пропало все дѣло реформаціи" [1]. Что же касается добрыхъ дѣлъ, то реформаторъ ихъ не отрицаетъ, но, по его взгляду, они сами собой раждаются у вѣрующаго, и участіе человѣка въ нихъ чисто пассивное.

Православное ученіе о цѣли и назначеніи человѣка и объ участіи его свободы въ дѣлѣ спасенія во всей полнотѣ раскрываетъ величайшій христіанскій психологъ еп. Ѳеофанъ: съ удивительнымъ знаніемъ онъ буквально анатомически разлагаетъ внутренняго человѣка на составныя его части и съ поразительной послѣдовательностью строитъ правильную систему дѣла спасенія. Но для того, чтобы изобразить это въ самой краткой формѣ, нужно было бы списать добрую половину изъ его сочиненій по этому предмету, да и то многаго бы недоставало. Поэтому здѣсь ограничимся его руководствомъ въ вопросѣ о взаимномъ соотношеніи свободы и благодати, который стоитъ въ связи съ отрицаніемъ Лютера первой.

Раскрытіе этихъ началъ неизбѣжно приведетъ къ выясненію сущности монашества, какъ естественнаго результата стремленія человѣка къ высшему совершенству и конечной своей цѣли—Богу.

XVII.

„Созданный по образу и подобію Божію человѣкъ въ состояніи своей невинности былъ подобенъ ангеламъ: въ умѣ было всякое вѣдѣніе, въ волѣ всякое добро, но при этомъ послѣдняя была всегда свободна. Но какъ скоро человѣкъ чрезъ преслушаніе впалъ въ грѣхъ, то произошло паденіе и разстроило дыханіе Божественной жизни, вдунутой въ человѣка Богомъ. Разстроило, но не уничтожило, почему человѣкъ, будучи по природѣ своей Божескаго рода, не можетъ не искать общенія съ Богомъ,—въ чемъ и заключается послѣдняя его цѣль. Ничто кромѣ не успокоиваетъ его. Отпавъ отъ Бога, человѣкъ сталъ страдать.

„Но не въ одномъ стремленіи къ Богу—все наше благо, а въ живомъ, внутреннемъ общеніи Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ,—въ этомъ цѣль и назначеніе наше.

[1] Характеръ протестантства.

Но только твари неразумныя достигаютъ своего назначенія, сами не зная того. Человѣкъ — тварь разумно свободная, долженъ самъ сознать свою цѣль, познать *путь*, ведущій къ ней, и *свободно* опредѣлить себя идти симъ путемъ, чтобы достигнуть цѣли и осуществить свое назначеніе. Св Макарій Великій говоритъ: „если душа прилѣпляется Господу, то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, къ ней приходитъ...

„Свобода принадлежитъ лицу человѣка и составляетъ его характеристическую черту. Требованія поступаютъ къ человѣку и совнѣ и изнутри, но самаго дѣйствія, внушаемаго ими, не бываетъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ сознательнаго рѣшенія на него отъ самого человѣка, — въ семъ-то и состоитъ существо свободы, и даровалъ ее Богъ для того, чтобы общеніе съ Нимъ совершалось Богодостойнымъ образомъ: *аще хощеши совершенъ быти*...(Мѳ. 19, 21); *стою при дверехъ и толку, аще кто услышитъ* (Апок. 3, 20)... Богъ насильно не влечетъ насъ, —говоритъ св. Златоустъ,—Онъ далъ намъ власть избирать худое и доброе, чтобы мы были добры свободно, и не хочетъ насильно и противъ воли сдѣлать душу добродѣтельною. Ибо гдѣ нѣтъ произволенія, тамъ нѣтъ и добродѣтели.

„Но свобода не въ томъ состоитъ, чтобы жить своевольно, это не свобода, а рабство. Желаніе внѣшней свободы своеволія отнимаетъ свободу у духа. Въ свободѣ дана человѣку независимость не съ тѣмъ, чтобы онъ своевольничалъ, а чтобы свободно подчинилъ себя волѣ Божіей, и это есть единое истинное употребленіе свободы Воля Божія есть начало, по которому человѣкъ долженъ располагать свои дѣйствія, и, подчиняясь ей, свобода входитъ въ безпредѣльную область: *хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди Твоя взыскахъ* (Пс. 118, 45). Напротивъ, самовольно уклоняясь отъ воли Божіей, человѣкъ неизбѣжно попадаетъ въ нѣкоторыя узы и теряетъ значительную часть возможныхъ для него совершенствъ, впадаетъ въ область мрака, подъ власть сатаны, грѣха и страстей Такимъ образомъ *путь*, который мы должны свободно избрать, чтобы выполнить свое назначеніе, есть —путь воли Божіей. Только Одинъ Богъ можетъ указать намъ *вѣрный путь*. *Аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди* (Мѳ. 19, 17) и: *Азъ есмь путь* (Іоан. 14, 6) - вотъ слова

Самого Господа. Посему то Господь съ такой заботливостью всегда открывалъ людямъ Свою волю и давалъ имъ Свои законоположенія.

„Но для того, чтобы свободное существо шло путемъ закона, необходимо должно предварительно произойти ихъ добровольному сочетанію, ибо существо свободное, невольно влекомое къ извѣстному роду дѣятельности, уже не свободно. Для сего должны быть *основанія*, по которымъ свободное существо произвольно должно связать себя закономъ Очевидно, что основанія эти не могутъ заключаться ни въ свободѣ, ни въ законѣ, а ихъ надобно искать въ источникѣ свободы и закона.

„Такъ, стало быть, у васъ опять подзаконность, — говорятъ отступники? - Гдѣ же свобода христіанская?—Она тутъ-же. Свобода отъ подзаконности іудейской, дарованная намъ о Христѣ Іисусѣ, не есть поставленіе насъ внѣ всякой законности, а есть выводъ изъ подзаконности іудейской, чтобъ поставить въ подзаконность христіанскую, не во внутренней только духовной жизни, но и во внѣшнихъ порядкахъ религіозной жизни.

„Съ одной стороны сознаніе, что Богъ есть нашъ Творецъ, Промыслитель, что жизнь наша, силы и все, что есть у насъ— отъ Бога, образуетъ въ насъ чувство зависимости отъ Него и заставляетъ добровольно покоритъся опредѣленіямъ Божіимъ, съ другой стороны сознаніе, что Богъ настолько возлюбилъ насъ, что и Сына Своего Единороднаго отдалъ для нашего искупленія и возвращенія насъ въ первое блаженство, - раждаетъ чувство любви, которая требуетъ сама исполненія заповѣдей, слыша: *Аще кто любитъ Мя заповѣди Моя соблюдетъ* (Іоан. 14, 23) и: *Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ* (— 14, 21). Все это вмѣстѣ и заставляетъ человѣка добровольно принести Богу въ жертву свою свободу. Въ жертвоприношеніи свободы Богу и состоитъ истинный характеръ нравственно-благочестивой жизни.

„Всѣмъ этимъ человѣкъ и обладалъ, именно: свободою —чистою, нестѣсняемою; сознаніемъ закона— опредѣленнымъ; чувствомъ зависимости отъ Бога сильнымъ, а потому и рѣшимостію ходить въ волѣ Божіей —невозмутимою: но когда онъ палъ, то подвергся всестороннему разстройству и самъ въ себѣ и въ своихъ отношеніяхъ. Его держитъ въ узахъ

грѣховнаго рабства князь тьмы — діаволъ. Но человѣкъ и по паденіи остался человѣкомъ, и его цѣль и назначеніе — то же Богообщеніе, и путь къ нему тотъ-же — хожденіе въ волѣ Божіей. Но такъ какъ теперь свобода его связана страстями, то самъ собой онъ не можетъ выполнить ни одного требованія, и на всѣхъ пунктахъ необходимо ему Божественная чрезвычайная помощь. Для чего Тріединый Богъ чрезъ Единороднаго Сына Своего и Святаго Духа и благоволилъ устроити на землѣ благодатное царство, здѣсь обезсиленная свободная самодѣятельность человѣка возстановляется Божественною благодатію.

„Дѣйствующее въ насъ начало грѣховной жизни есть себялюбіе или *эгоизмъ*. Человѣкъ въ состояніи отпаденія отъ Бога для себя только и живетъ и не думаетъ о Богѣ, о небѣ, внутрь себя не обращается, поэтому и не знаетъ своего состоянія и тѣхъ слѣдствій, какія будутъ отъ его жизни, а всегда считаетъ себя чѣмъ-то великимъ и гонимъ бываетъ все впередъ суетною заботой. Съ людьми обходится какъ только требуетъ приличіе, иногда дѣлаетъ добрыя дѣла, но всѣ они — душевнаго свойства, напитаны общимъ духомъ его самолюбія и, какъ бы иногда строго не принимался разбирать себя и свою жизнь, никакъ не можетъ увѣрить себя, что его дѣла ничтожны и злы.

„Есть невольныя, ненамѣренныя, такъ сказать, уклоненія совѣсти отъ путей правды, какъ бы заблужденія, и есть намѣренныя ея искаженія или порча совѣсти отъ противодѣйствія ей въ угодность порокамъ и страстямъ. Но особенному поврежденію подвергается совѣсть, когда встрѣчается съ *эгоизмомъ* и ему *подчиняется*. Здѣсь сначала ея законы перетолковываются, потомъ извращаются и, наконецъ, замѣняются совсѣмъ иными, противными законамъ истиннымъ. Мы охотно вѣримъ тому, что любимъ, поэтому, если случится услышать голосъ совѣсти съ заповѣдью противъ нашей склонности, то тотчасъ раждается недоумѣніе касательно истиннаго смысла заповѣди: да такъ ли это должно понимать? таково ли требованіе закона? ко всѣмъ ли оно идетъ? и тому подобное: говорятъ: судъ совѣсти неподкупенъ. Это и бываетъ такъ, только не всегда. Можно ли ожидать вѣрнаго суда отъ такой совѣсти, гдѣ невѣрно ея законодательство и, слѣдовательно, нѣтъ начала для суда. Уже потому одному

видна его ненадежность, что по нему каждый человѣкъ самому себѣ представляется лучшимъ, нежели есть на самомъ дѣлѣ. Не малый признакъ искаженія совѣсти есть *уклоненіе суда отъ себя на другихъ. Упорная несознательность* плодъ великаго поврежденія совѣсти и сильнаго эгоизма. Поврежденная совѣсть не можетъ сильно тревожить человѣка, чрезъ что ослабляется страхъ Божій, въ чемъ и состоитъ причина худой жизни" [1]).

„При всемъ томъ нельзя говорить, что мы раждаемся такими, что должны грѣшить. Ни на комъ не лежитъ такой обязанности. Немощны мы и разслаблены, но грѣшимъ всегда произвольно. Всегда дѣлу грѣха предшествуетъ согласіе на грѣхъ" [2]).

„Голосъ Божій—зовущій приходитъ къ грѣшнику, падаетъ на совѣсть и пробуждаетъ его: но и онъ не влечетъ человѣка насильно, а только останавливаетъ на пути порочномъ, послѣ чего человѣкъ совершенно властенъ или обратиться къ Богу или опять погрязнуть въ тину самолюбія.

„Въ человѣкѣ, внявшемъ дѣйствію благодати, прежде всего происходитъ *познаніе грѣховъ* и внутреннее *обличеніе*, отсюда *недовольство собой*, *стыдъ*, *болѣзненный страхъ*, что оскорбилъ Господа, *сокрушеніе и чувство безпомощности*. Рядъ измѣненій такого рода въ сердцѣ и составляетъ совокупность чувствъ *покаянныхъ*. Стѣсненному такимъ образомъ грѣшнику нигдѣ нельзя найти утѣшенія, кромѣ евангелія—проповѣди о Томъ, Кто *пришелъ взыскать и спасти погибшаго* (Лук. 19, 10) „Вотъ кому проповѣдуется евангельское утѣшеніе,—говоритъ св. Тихонъ,—*нищимъ*, т. е. тѣмъ, которые признаютъ свою духовную нищету и не находятъ въ себѣ никакой правды предъ Богомъ; *сокрушеннымъ сердцемъ*, т. е. тѣмъ, у коихъ сердце какъ стрѣлою уязвлено печалью о грѣхахъ"...—Здѣсь то, въ благовременную помощь, приходитъ къ нему съ одной стороны *вѣра, а съ другой—благодатная, вспомоществующая въ дѣланіи всякаго добра, сила*.

„Итакъ, чтобы въ сердцѣ началась вѣра евангельская, необходимо предварительно познать немощь свою и живо восчувствовать гнѣвъ Божій"...[3]). „Грѣхъ всякаго человѣка

---

[1]) Начертаніе христ. нравоученія. Еп. Ѳеофана. [2]) Письма къ разнымъ лицамъ. [3]) Начертаніе христіанскаго нравоученія.

есть великое оскорбленіе Бога, грѣхъ же христіанина несравненно болѣе оскорбляетъ Его Апостолъ говоритъ, что онъ кровь Христову попираетъ, вторично распинаетъ Христа“ [1]).

Но Лютеръ говоритъ, что за вѣру все прощено и не о чемъ болѣе безпокоиться: „...я не знаю,—говоритъ онъ,—Бога-карателя.. Богъ христіанскій есть Богъ—любви“ [2]).

„Вамъ вѣрно представляется, - пишетъ еп. Θеофанъ въ отвѣтъ одной особѣ, высказавшей подобное же мнѣніе,—что Богъ есть поблажникъ.—Нѣтъ, Божія любовь строга и никакой поблажки не допускаетъ. Это знаютъ любящіе Бога и не только знаютъ, но и чувствуютъ своимъ любящимъ сердцемъ и по сей причинѣ страшатся прогнѣвать Бога и подвергнуться осужденію отъ лица Его. Да вѣдь и между нами такъ бываетъ, что даже взглядъ неблагосклонный отъ лица любимаго мучительнѣе всякихъ угрозъ отъ лица посторонняго. Любящій Бога не меньше, а больше боится грѣха, и, если случится впасть въ какой грѣхъ, слезамъ, раскаянью и молитвамъ конца не бываетъ, пока не получится удостовѣреніе, что любимый Господь простилъ грѣхъ“ [3]).

XVIII.

„Итакъ *послѣдняя цѣль* человѣка неизмѣнно состоитъ въ общеніи съ Богомъ. *Достиженіе* этой *цѣли* неизмѣнно должно быть *дѣломъ свободы* человѣка. Христіанинъ есть распорядитель всей своей дѣятельности. Внѣшнее дѣло есть плодъ внутренняго дѣйствованія Прежде нежели оно обнаружится, ему должно совершиться внутри. Всякое дѣло совершается обычнымъ порядкомъ: *разсудокъ* представляетъ его сознанію, *воля* находитъ его угоднымъ; затѣмъ разсудкомъ предлагаются средства, волей избираются, и раждается *рѣшимость* Далѣе, чтобы задуманное привести въ исполненіе, разсудокъ возбуждаетъ волю, а послѣдняя приводитъ въ движеніе подчиненныя ей низшія силы.

„Но у человѣка-христіанина хотя все совершается тѣмъ же порядкомъ, однако имѣетъ свой особенный смыслъ.

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Характ. протестантства. [3]) Письма къ разнымъ лицамъ.

духъ и свойства. Первая черта христіанской нравственности есть *самосознаніе*, т. е. христіанинъ долженъ исходить на дѣятельность съ сознаніемъ, что онъ—рабъ Христовъ,—безъ чего всѣ его дѣйствія теряютъ характеръ христіанскихъ добродѣтелей. Всѣ его дѣла должны отъ Бога исходить и къ Богу возвращаться. Всеобщая программа на всякое христіанское дѣло: 1)—сознаніе въ немъ воли Божіей, 2)—склоненіе на него своей воли и сердца, 3)—молитва о помощи къ совершенію его и 4)—невидѣніе его и другихъ своихъ добрыхъ дѣлъ.—Достоинство дѣлъ опредѣляется: ихъ сообразностію съ заповѣдями,—по заповѣди хорошо, противъ заповѣди—худо: цѣлью,- добрая цѣль въ добромъ дѣлѣ украшаетъ и возвышаетъ его, цѣль худая въ худомъ дѣлѣ усиливаетъ его безнравственность. Цѣль худая въ добромъ дѣлѣ съѣдаетъ его доброту, а цѣль добрая въ дѣлѣ худомъ не сообщаетъ ей своей доброты. Вообще чѣмъ выше цѣль, тѣмъ чище и совершеннѣе дѣло, и чѣмъ развращеннѣе намѣреніе, тѣмъ безнравственнѣе дѣло.

„Главная цѣль дѣйствій христіанина—все творить для Бога, ради вѣры въ Господа: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 16). Какъ самъ человѣкъ не восходитъ къ богообщенію безъ Іисуса Христа, такъ и дѣла его не взойдутъ къ Богу безъ вѣры въ Господа Что касается другихъ цѣлей, то онѣ хотя и могутъ быть допускаемы, но никогда не должны быть поставляемы главными,—отъ нихъ всегда должно восходить къ Богу. Инымъ кажется очень строгимъ—все творить во славу Божію, и они относятъ это къ удѣлу совершенныхъ, и что позволительно имѣть другія цѣли внѣ Бога: но во первыхъ, все посвящать Богу есть не совѣтъ, а обязанность: *прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесахъ вашихъ* (Кор. 6, 20), да и зачѣмъ относить это къ совершеннѣйшимъ, когда такое направленіе дѣйствій не требуетъ особеннаго напряженія: кто творитъ уже добро, пусть только мысленно и сердечно посвятитъ его Богу. Во вторыхъ говорить, что позволительны и другія цѣли, лишь бы онѣ не исключали Бога, значитъ—какъ бы милость какую оказывать Богу, какъ будто Богъ есть нѣчто стороннее въ нравственной жизни. Нѣтъ, доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа совершенное,

не есть христіанское, а простое добро естественное. Кромѣ сего достоинство христіанскихъ дѣлъ опредѣляется еще обстоятельствами нравственными, которыя имѣютъ вліяніе на внутреннее состояніе.

„Вообще же христіанская добродѣтель не есть одно доброе дѣло, но *настроеніе духа* христіански дѣйствующаго, и разныя добрыя расположенія воли и сердца. Посему должно богатиться добрыми дѣлами, но больше заботиться надо о добрыхъ расположеніяхъ и о приспособленіи ихъ къ своей цѣли — богообщенію. Кто остановится на одномъ добродѣланіи, тотъ въ опасномъ заблужденіи. Такого свойства было ученіе и жизнь стоиковъ. Они учили покорять самость уму или духу, но что и духъ или умъ должно покорить Богу сего не поняли, потому и были учителями духовной гордости и, несмотря на трудъ и пожертвованія, себя и другихъ содержали внѣ Бога, въ отпаденіи отъ Него. Равнымъ образомъ поступаютъ мечтательно и тѣ, кои придумываютъ нѣкоторую философскую добродѣтель. Что за добродѣтель внѣ Бога? Это есть добродѣланіе, не приносящее истинныхъ плодовъ, не доводящее до цѣли. Внѣ христіанства нѣтъ истинно доброй жизни“ [1]).

„По слову Божію вѣра и исполненіе заповѣдей на одной линіи стоятъ, — и ни той, ни сему предпочтенія не дается. И вѣра безъ дѣлъ, и дѣла безъ вѣры — ничего не значатъ. Только въ неразрывной связи содѣваютъ они спасеніе наше и сами при семъ пріемлютъ настоящую свою цѣну, силу и значеніе Исполнившій всѣ заповѣди по вѣрѣ благоукрашаетъ душу свою всякими добродѣтелями и дѣлаетъ сердце свое храмомъ, достойнымъ быть обителію Господа. Но корень всего дѣла есть принятіе Господа въ таинствахъ. Безъ таинствъ ни вѣра, ни добродѣтели не привлекутъ Господа. Онѣ могутъ сдѣлать только то, что Господь имѣющаго ихъ приведетъ ради нихъ къ принятію таинствъ и чрезъ таинства вселится, какъ было сіе съ Корниліемъ сотникомъ.

„Такимъ образомъ вѣра привлекаетъ Господа, таинства сподобляютъ присутствія Его и содѣйствія, когда же вѣрующій, вспомоществуемый Господомъ, очиститъ себя отъ всѣхъ страстей исполненіемъ заповѣдей и внѣдреніемъ въ

[1]) Начертаніе христіанскаго правоученія. Еп. Ѳеофана.

сердце добродѣтелей, тогда, наконецъ, Господь окончательно вселяется въ него и почиваетъ въ немъ.

„Посмотримъ теперь, какъ апостолъ изображаетъ жизнь христіанина и чего требуетъ отъ него. *Со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте* (Фил. 2, 12). *Очистите себя отъ всякія скверны плоти и духа, творяще святыню въ страсѣ Божіи* (2 Кор. 7, 1). *Не льститеся, Богъ поругаемъ не бываетъ: еже бо сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7, 8). *Иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). *Будите святы, яко же и Господь святъ* (Петр. 1, 16), *отложите... ветхаго человѣка... и облецыся въ новаго, созданнаго по Богу* (Еф. 4, 22, 24). *Горняя мудроствовать, а не земная* (Колос. 32).

„Что отъ Господа, то несомнѣнно будетъ исполнено, а что лежитъ на насъ, о томъ нельзя не безпокоиться, и не будь оно исполнено,—и Господь не исполнитъ Своего обѣтованія, и спасеніе не состоится, и царство небесное не получится. И по пріятіи благодати и обновленіи духа нашего предлежитъ еще трудъ и трудъ долгій и прискорбный. Надобно высвободить еще душу и тѣло отъ плѣна грѣховныхъ наклонностей и страстей и возвесть въ свободу духа.

„Вѣра—даръ, но не безусловный, а ему предшествуетъ вожделаніе вѣры съ покореніемъ ей ума. То правда, что вѣра, какъ даръ, возвышенна, могуща, но не вяжетъ свободы ума. Умъ можетъ возстать на нее, придумать извороты и отложиться отъ нея, а затѣмъ увлечь къ отложенію и волю, и сердце, и всего человѣка. Гдѣ же послѣ сего держаться дару вѣры? Благодать искупленія пребываетъ, пока жива вѣра и ревность жить по вѣрѣ, потому что благодать дѣйствуетъ совмѣстно съ свободой. Замри вѣра и ревность,—отойдетъ и благодать искупленія. Говорятъ: добрыя дѣла не спасаютъ. Какъ такъ не спасаютъ? *Се гряду скоро*,—говоритъ Господь,—*и мзда Моя со Мною воздати коемуждо по дѣломъ его* (Апок. 22, 12). Но въ добрыхъ дѣлахъ преуспѣть безъ вѣры нельзя. И только сознательныя и свободныя дѣла—собственно наши дѣла. Благодать же Божія, присущая всѣмъ вѣрующимъ и крещенымъ, не берется сама дѣлать за него, а только стоитъ близъ самоохотно дѣйствующаго человѣка,

и коль скоро онъ при всемъ усердіи и напряженіи не силенъ бываетъ додѣлать дѣла, она подходитъ и помогаетъ.

„Христосъ вселяется не въ грѣшныхъ и нечестивыхъ, но въ бывшихъ и переставшихъ быть такими. И это бываетъ не ради одной вѣры, но и ради рѣшимости послѣдовать Господу, порождаемой вѣрой, чистосердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ и непремѣнно чрезъ посредство таинствъ крещенія или покаянія.

„Господь обѣщаетъ покой, но въ будущемъ вѣкѣ, а здѣсь требуетъ усиленнаго труда въ исполненіи Его заповѣдей: *Царствіе Божіе нудится* (Мө. 11, 12) съ очищеніемъ сердца. Что особеннаго требуетъ къ себѣ вниманія и труда, такъ это остатки живущаго въ насъ грѣха, такъ какъ пока страсти въ сердцѣ, то при всѣхъ внѣшнихъ добрыхъ дѣлахъ, человѣкъ гробъ покрашенный. По пріятіи благодати надлежитъ намъ дѣйствовать видимо-тѣлесно, такъ какъ ни благами спасенія не можемъ мы пользоваться какъ либо мысленно, ни содѣвать свое спасеніе лишь духовно, и тѣ, которые мечтаютъ достать себѣ спасеніе мысленно, промечтаютъ, а спасенія не получать. Дѣяніе есть къ разуму восходъ, т. е. подъ дѣяніемъ означается видимая дѣятельная сторона, а разумомъ — невидимая, духовная, созерцательная. Слѣдовательно, нужно дѣяніемъ начинать и переходить къ созерцанію и духовности" [1]. — „Внѣшнее опора внутреннему, и то и другое должно идти совмѣстно, очевидно только, что преимущество за внутреннимъ. Такимъ образомъ, благодатная внутрь въ духѣ жизнь будетъ горѣть и разгораться ради ревности и усердія человѣка, предающаго себя Богу. Но духъ благодати чистѣйшій, пришедшій въ сердце, не можетъ прямо и непосредственно входить въ него, будучи преграждаемъ его нечистотой. Посему нужно прежде очистить умъ, волю и сердце. Тѣло по естеству чисто, поэтому надлежитъ только устранить отъ его потребностей неестественное, но, какъ кромѣ того оно есть помощникъ душѣ, то оно должно быть примѣнено къ пользѣ души и духа. Все это и составитъ подвигъ. И вотъ почему всѣ подвиги вполнѣ соотвѣтственны внутреннему дѣланію. Трудясь и подвижничествуя ищемъ очищенія сердца и возстановленія духа" [2].

---

[1]) Письма къ разнымъ лицамъ. [2]) Путь ко спасенію.

Поэтому же и *монашество* вполнѣ естественно, ибо прямо требуется пробужденнымъ духомъ нашимъ: существо же вѣры Христовой даетъ ему настоящій строй, направленіе и духъ. Да и что тутъ можно видѣть неестественнаго?! Постничество, трудъ средства монашескія? — Судить объ ихъ умѣстности и неумѣстности надо по ихъ приспособленности къ цѣли. Если цѣль монашества естественна, постничество же и трудъ пособствуютъ достиженію сей цѣли, то и они естественны. Цѣль монашества какая? — Та, чтобы быть всегда съ Богомъ, что и есть *единое на потребу* (Лук. 10, 42). Быть съ Богомъ мѣшаетъ не меньше другого многое пространное питаніе и покой тѣла, а черезъ постничество оно утончается и даетъ духу свободу возноситься горѣ къ Богу и съ Нимъ пребывать неотлучно. Отсѣченіе своей воли и ума есть условіе къ преспѣянію въ духовной жизни. Жизни сей нельзя развернуться пока въ силѣ *я*, жизнь монастырская вся и направлена къ тому, чтобы стереть въ порошокъ этотъ кремневый камень.

„По виду будто такъ бываетъ, что взыскавшій спасенія для себя начинаетъ жить, ибо своей души спасенія ищетъ; на дѣлѣ же выходитъ наоборотъ, что взыскавшій спасенія симъ самымъ дѣйствіемъ перестаетъ жить для себя, — ибо первый шагъ на семъ пути есть *самоотверженіе: Да отвержется себе* (Мѳ. 16, 24.). Этотъ, во всѣ времена христіанства засвидѣтельствованный, опытъ спасенія въ міроотречномъ образѣ жизни заграждаетъ уста всѣмъ неблаговолящимъ къ нему, удостовѣряя въ совершенной благонадежности сего пути ко спасенію. Думаютъ, что монашество есть изобрѣтеніе человѣческое. — Но мы имѣемъ прямое указаніе въ словѣ Божіемъ, что путь сей не отъ человѣкъ, но отъ Бога. — Спаситель указалъ сей путь, когда говорилъ о безбрачіи царствія ради небеснаго (Мѳ. 19, 12), о слѣдованіи за Нимъ безъ всего, съ однимъ крестомъ самоотверженія (Мѳ. 10, 38. 16, 24), о совершенномъ отрѣшеніи отъ всѣхъ и отъ всего (Мѳ. 10, 37. 19, 29). О достоинствѣ же такого образа жизни Спаситель засвидѣтельствовалъ, сказавъ, что *не вси вмѣщаютъ, но имже дано есть* (Мѳ. 19, 11).

„И апостолы учредили его впослѣдствіи не какъ общее правило, а для ищущихъ жизни о Господѣ въ свободѣ отъ попеченій житейскихъ. На вопросъ Коринѳянъ о томъ, какъ

имъ поступать съ дочерьми, которыя не хотятъ выходить замужъ, апостолъ Павелъ прямо сказалъ, что безбрачная жизнь выше, ибо: *непосягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, да будетъ свята и духомъ и тѣломъ: а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу* (Кор. 7, 33).

„Такъ установилась безбрачная жизнь въ постѣ, молитвѣ и трудахъ, что и видимъ въ житіяхъ святыхъ апостольскаго времени. Люди, посвятившіе себя такой жизни, носили имя аскетовъ — подвижниковъ, и Господь во всѣ времена являлъ и являетъ особое благоволеніе къ людямъ, шедшимъ такимъ путемъ, и это удостовѣряетъ, что образовался такой образъ жизни не противъ воли Божіей.

„Такъ вотъ какъ вошелъ онъ въ порядки жизни христіанской. Его завели свв. апостолы по волѣ Господа Спасителя. Но должно сказать, что онъ порождался самъ собою изъ духа жизни христіанской, изъ тѣхъ измѣненій въ стремленіяхъ сердца человѣческаго. Благодать Божія, коснувшись сердца, отрѣшаетъ его отъ всего земного, плотского, временнаго и устремляетъ къ небесному, духовному, вѣчному. А это все таково, что его не даетъ семейная и общественная жизнь. Не давала его и многообразованная жизнь Коринеянкамъ, возжелавшимъ того. Потому всегда и будутъ отрѣшающіе себя отъ общества. Вотъ почему всѣ святые, Богу угодившіе и прославленные, всю жизнь свою проводили въ строгихъ подвигахъ самоумерщвленія внутренняго и внѣшняго и въ трудахъ по упражненію въ добродѣтеляхъ, съ непрестаннымъ обращеніемъ къ Богу.

„Когда такимъ образомъ все грѣховное и страстное изгонялось вонъ, человѣческое въ нихъ естество являлось въ первозданномъ своемъ видѣ, — ихъ духъ, душа и тѣло, проникнуты бывъ благодатію, осіявались Божественнымъ свѣтомъ, и они содѣловались храмомъ Бога Тріипостаснаго. Подвиги потребны для тѣла—тѣлесные, для души—душевные, для духа - духовные На эти подвиги указывалъ Спаситель въ нагорной бесѣдѣ, давая наставленіе какъ поститься, творить милостыню и молиться. Постъ погашаетъ похоть, добродѣланіе изгоняетъ гнѣвъ и раздраженіе и воспитываетъ противоположныя имъ добрыя расположенія и настроенія,—молитвословіе же возвышаетъ духъ горѣ. Жизнь міроотречная воз-

водитъ на высшія степени христіанскаго совершенства“ [1]).

Начало же буддизма и восточнаго аскетизма не только не сходны, но прямо противоположны началамъ христіанскаго подвижничества. Кромѣ внѣшности, здѣсь все противоположно, и основы подвижничества и его цѣль. Въ буддизмѣ и на востокѣ вообще аскетъ самоотрицался во имя того, что жизнь есть страданіе и что такова она по своему *существу*, —онъ ничего не зналъ о паденіи въ христіанскомъ смыслѣ слова,—отрицался не для положительнаго нравственнаго совершенства, а для того, чтобы постепенно уничтожить въ себѣ всякую личную жизненность и наконецъ погрузиться въ *нирвану*, т. е. совсѣмъ уничтожиться въ этой мертвой сферѣ бытія безсознательнаго, безсодержательнаго. Христіанство и этотъ аскетизмъ также различаются между собой, какъ положеніе и отрицаніе, жизнь и смерть [2]).

XIX.

Жизнь церковная и гражданская въ православномъ государствѣ имѣютъ столь близское соприкосновеніе, что совершенно, можно сказать, входятъ одна въ другую; дѣятельность ихъ направляется къ взаимнымъ интересамъ, а отсюда не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было подчиненіи или господствѣ. Государство заботится о благоденствіи народа, о его просвѣщеніи, о совершенствованіи практическихъ примѣненій, но въ то же время, хорошо понимая, что главный источникъ народнаго благоденствія есть Божіе благословеніе, и что если въ народѣ охладѣетъ духъ ревности къ вѣрѣ и богоугодной жизни, то отдалится отъ него и Божіе благословеніе,—прежде всего старается оградить и отдалить отъ него все то, что могло бы послужить поводомъ къ упадку вѣры,—чтобы ни наука и никакая гражданская дѣятельность вообще не ставила преградъ и тѣмъ болѣе не дѣйствовала бы прямо противоположно ученію церкви. Вотъ почему и первая забота государственной власти о благоденствіи церкви, объ укрѣпленіи вѣры въ народѣ, о сохраненіи въ чистотѣ православія. „По естественному закону,—пишетъ

---

[1]) Письма къ разн. лицамъ. [2]) Характ. протестантства.

еп. Феофанъ,—народамъ положено происходить, возвышаться и состарѣваться, однакожъ этотъ законъ имѣетъ власть надъ государствомъ до тѣхъ поръ, пока оно остается съ одними своими земными человѣческими средствами,—когда же оно всю надежду возложитъ на Бога, вѣрою и дѣлами благочестія низведетъ на себя благословеніе свыше, тогда оно высвобождается изъ подъ закона всеразрушающаго времени и благонадежно можетъ стоять до скончанія міра, въ подтвержденіе чего служитъ неложное обѣщаніе Самого Спасителя, что враты адовы не одолѣютъ Его церкви, такъ какъ Онъ Самъ, пребывая неизмѣнно въ ней, будетъ хранить ее. Церковь же Христова состоитъ не изъ ангеловъ, а изъ людей. Слѣдовательно, если государство будетъ проникнуто духомъ церкви, что возможетъ тогда разрушить его твердыню, поколебать его основаніе, уничтожить это жилище Христа Спасителя? Другими словами: государство, хранящее вѣру и благочестіе, не можетъ не быть неразрушимымъ" *).

Такимъ же образомъ и церковь первая идетъ на помощь государству. Она освящаетъ молитвами и благословеніями всѣ важнѣйшіе моменты жизни государственной, возноситъ непрестанныя моленія за вѣнценоснаго Монарха, за воиновъ, о мирѣ и благоденствіи городовъ и всѣхъ людей. Первыми заботами ея пастырей состоитъ внушеніе каждому члену церкви уваженія и повиновенія власти гражданской, безпредѣльной преданности и любви Царю и отечеству и добросовѣстнаго исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей не за страхъ, а за совѣсть. Въ годину бѣдствій общественныхъ церковь первая является и съ словомъ ободренія, и утѣшенія, и съ матеріальной помощью. Такимъ образомъ, церковь и государство свято блюдутъ права и интересы другъ друга и чрезъ это становятся однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, не посягая на самостоятельность и свободу развитія ни въ какой области.

Кромѣ сего, государство, охраняя всѣ интересы церкви и заботясь о цѣлости и чистотѣ православнаго ученія, въ то же время, какъ государство христіанское, съ снисхожденіемъ относится и къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Эта особенность христіански-любвеобильнаго отношенія государства, также

*) Слова еп. Феофана. Москва 1883 г.

вытекаетъ изъ солидарности его съ церковью.

„Истинная вѣротерпимость,—говоритъ епископъ Өеофанъ,—искренно любитъ и благоговѣйно чтитъ единую св. вѣру свою, ревнуетъ о чистотѣ и славѣ ея, радуется возвышенію ея; но при этомъ даетъ мѣсто близъ нея и другимъ вѣрамъ, не потому что считаетъ ихъ равночестными и спасительными, а по снисхожденію къ немощамъ заблуждающихся. Она не тѣснитъ, не гонитъ, не преслѣдуетъ; но вмѣстѣ не упускаетъ случая съ любовію указывать заблужденія и предлагать свободному убѣжденія и совѣсти выборъ лучшаго. Такая только терпимость и умѣстна тамъ, гдѣ по основнымъ государственнымъ законамъ господствующая вѣра есть св. вѣра православная *Господствующая*, т. е. надъ всѣми возвышающаяся, повсюду и во всемъ видимая,—проходящая, во всѣ отрасли народной жизни,—все собою направляющая, освѣщающая и оживляющая. Она радость народа, окрыленіе его духа, возбужденіе высокихъ порывовъ. Правительство православное терпитъ не свое православіе, но, при своемъ православіи—любимомъ, чтимомъ и возвышаемомъ, терпитъ другія вѣры, держа ихъ однако же въ тѣни: пока у насъ будетъ соблюдаться такой порядокъ, нечего опасаться охлажденія въ вѣрѣ и слѣдовательно отверженія Божія.

„Но вѣротерпимость можетъ принимать и ложное направленіе. Можетъ быть постановлено и такое правило: терпѣть всѣ вѣры, т. е. одинаково цѣнить, не давая преимущества никакой. Пусть капище и мечеть, синагога и церковь одинаково высятся, только бы не мѣшали другъ другу и не возмущали общественнаго порядка; вѣруй какъ хочешь, только будь честенъ и вѣренъ.—Такое направленіе обнаруживаетъ отсутствіе всякаго убѣжденія и пахнетъ мертвымъ безразличіемъ къ вѣрѣ (индифферентизмомъ). Это пагуба для благочестивой жизни народа, а у насъ, сверхъ того,—государственное преступленіе, какъ нарушеніе кореннаго государственнаго постановленія и слѣдовательно коренныхъ условій государственной жизни. Такія мысли, доходя до слуха народа, набрасываютъ тѣнь на чтимую имъ вѣру, колеблютъ его любовь къ ней, мутятъ его понятія о ней, поставляютъ въ нерѣшительность и недоумѣніе, охлаждаютъ и отчуждаютъ отъ нея. И это тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ гласнѣе такія понятія проникаютъ въ него. Вслѣдствіе же сего неизбѣжно

омертвѣетъ духъ, прекратятся дѣла самоотверженія, разслабнетъ энергія. Народъ тогда – мертвый трупъ безъ духа жизни. А такому чего ожидать кромѣ презрѣнія отъ людей и отверженія отъ Бога" [1]).

—

XX.

Реформатство, въ томъ видѣ, какъ его передали Кальвинъ и Цвингли, есть не что иное какъ развитіе тѣхъ же протестантскихъ началъ, высказанныхъ впервые Лютеромъ, но оно отличается большею послѣдовательностію и законченностью крайностей выводовъ. Такъ ученіе о таинствахъ открыто сводится на степень простаго символизма; – по Цвингли – Евхаристія не болѣе какъ воспоминаніе, и вообще швейцарскіе реформаторы были вѣрнѣе себѣ и навсегда отрѣшились отъ всякой мысли о связи Тѣла Христова съ хлѣбомъ и виномъ.

Но отличительную особенность кальвинизма, составляетъ его ученіе о предопредѣленіи, которое впрочемъ вытекаетъ изъ того же протестантскаго ученія о паденіи человѣка.— Такъ какъ у Лютера не было такого вывода о предопредѣленіи человѣка къ блаженству или погибели, то мы и остановимся на этой особенности реформатскаго исповѣданія.

Причина спасенія, по мнѣнію швейцарскихъ реформаторовъ, есть *безусловно* - Божественная воля Почему не всѣ спасаются зависитъ отъ хотѣнія Верховнаго Существа,— въ рѣшеніи этой участи человѣкъ не участвуетъ. Даже Лютерова *личная вѣра* не можетъ сообщить благодати, если человѣкъ не предназначенъ ко спасенію. Вѣрующій избранникъ Божій и, слѣдовательно, онъ уже спасенъ; невѣрующій не избранъ и долженъ погибнуть. Для вѣрующаго нѣтъ причины сомнѣваться въ спасеніи, слѣдовательно ему не страшны ни бѣдствія, ни смерть, и ничто не должно смущать его вѣру въ свое спасеніе При самомъ твореніи была рѣшена участь каждаго. Неизбѣжный выводъ изъ такого положенія, что, слѣдовательно, Богъ есть виновникъ зла, не смущалъ реформатора, — онъ только пытается доказать, что человѣкъ или ангелъ, дѣлаясь преступниками воли Божіей,— отвѣтственны предъ

---

[1]) Слова еп. Ѳеофана на торжественные дни.

Богомъ, — а Богъ, дѣлающій ихъ такими, — неотвѣтственъ, такъ какъ для Него нѣтъ закона. Изъ того, что грѣхъ неизбѣженъ, не слѣдуетъ, что онъ — невмѣняемъ: изъ этого послѣдняго не слѣдуетъ, что человѣкъ можетъ избѣжать его. Неизбѣженъ грѣхъ потому, что въ основѣ его лежитъ воля Божества, вмѣняемъ онъ потому, что совершается въ дѣйствіи волей человѣка. Богъ же содѣйствуетъ злу, потому что зло есть средство къ цѣлямъ добра.

Въ безусловномъ дѣйствіи благодати на человѣка, въ безусловно опредѣляющей спасеніе и погибель — волѣ Божества Кальвинъ видитъ отраду для вѣрующаго сердца, источникъ утѣшеній и покоя и вмѣстѣ съ этимъ средство къ возбужденію вѣры.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Ученіе Кальвина — это самый странный, самый страшный и несоединяемый *дуализмъ*. Божество, по его ученію, есть для нѣкоторой части человѣчества — источникъ милости, и щедротъ, и благодати, — для остальныхъ людей — сила страшная, губящая; эти отверженные только для того и созданы чтобы страдать и затѣмъ погибнуть по одному требованію Высшей Воли.

Лютеръ отвергалъ всякіе подвиги самоумерщвленія, столь ненавистные ему въ католичествѣ, на томъ основаніи, что Богъ христіанскій есть Богъ любви, и что онъ никакъ не могъ себѣ представить Бога-карателя. Но и грозное Божество Кальвина тоже не требуетъ никакихъ подвиговъ, такъ какъ Богъ милуетъ, кого хочетъ, а кого не хочетъ, тому ничто не поможетъ.

Что за Богъ, Который караетъ и милуетъ по прихоти, и что за человѣкъ, когда его свобода не участвуетъ ни въ чемъ? Да и есть ли она послѣ того у человѣка? — Нѣтъ личности человѣка, когда онъ гибнетъ или спасается помимо своей воли: — нѣтъ Личнаго Живого Бога, когда Онъ милуетъ и караетъ не по закону правды и благости, а по непонятному закону хотѣнія. Не есть ли это просто слѣпая судьба, а человѣкъ лишь порожденіе злого рока?

Хотя нынѣшніе реформаторы и отрѣшились отъ крайностей понятія о предопредѣленіи и не придаютъ ему такого значенія, какое придавалъ Кальвинъ: но за то новѣйшія пантеистическія идеи обязаны своимъ происхожденіемъ

именно кальвинизму съ его теоріей предопредѣленія... Чтобы грозное Божество не было страшно, ничего не оставалось, какъ обратить Его въ существо безличное, въ саморазвивающуюся идею, измѣнить понятіе о паденіи и погибели и, чтобы не была страшна эта погибель, обезразличить въ *идеѣ* самое понятіе добра и зла.

Взглядъ на жизнь съ нравственной точки зрѣнія тоже разошелся у Кальвина съ Лютеромъ. Послѣдній проповѣдывалъ полную свободу жизни во имя всеоправдывающей вѣры. Кальвинъ предъявлялъ суровыя требованія относительно нравственной жизни во имя идеи предопредѣленія, вопреки собственнымъ выводамъ, что если вѣрующій предназначенъ ко спасенію, то онъ и получитъ это спасеніе, какова бы его жизнь не была, и что разъ благодать непреодолимо нудитъ его къ добру, то не зачѣмъ ему и заботиться о добродѣтели и, наоборотъ, — если назначенный къ погибели - необходимо погибнетъ, то его личная жизнь не имѣетъ значенія. Кальвинъ объясняетъ свое требованіе аскетизма тѣмъ, что только при его догматѣ предопредѣленія возможна истинная безкорыстная добродѣтель...

Но въ результатѣ Кальвинъ и въ жизнь вводитъ тѣ же дуалистическія стихіи.—Можно подъ вліяніемъ вѣры въ избраніе требовать и строго нравственной жизни, но еще болѣе возможно на томъ же основаніи быть совершенно равнодушнымъ къ нравственнымъ требованіямъ. — Словомъ, ничего прочнаго не дается мыслію о безусловномъ предопредѣленіи для практической жизни. - Еще самому Кальвину приходилось бороться съ сектами, которыя развились изъ его же собственныхъ началъ (Либертинцы, Серветъ) *).

Православное ученіе не отвергаетъ совсѣмъ предопредѣленія Божія въ судьбахъ міра и человѣка, но оно чуждо всякихъ фаталистическихъ выводовъ Такъ, православная церковь исповѣдуетъ, что „Богъ зналъ до сотворенія міра о злобѣ денницы и о грѣхѣ Адама“, но изъ этого не слѣдуетъ, что, сотворивъ ангеловъ и людей, Онъ сотворилъ вмѣстѣ съ ними и зло: „Онъ сотворилъ ихъ добрыми по природѣ, и они согрѣшили не по необходимости, а по свободному произволу. Предвидѣнный же грѣхъ не воспрепятствовалъ

---

*) Характеръ протестанства. С-Пб. 1871 г.

Богу сотворить разумныя существа, потому что Онъ въ Своимъ предопредѣленіи имѣлъ въ виду воспринять плоть отъ Пречистой Дѣвы наитіемъ св. Духа, искупить человѣка и ввести его въ царствіе Свое въ гораздо большей славѣ, нежели онъ имѣлъ въ раю. Посему Богъ, вѣдущій все прежде сотворенія міра, предопредѣлилъ только доброе. Богъ не есть виновникъ зла, потому что дѣйствительное зло есть грѣхъ, котораго Онъ не сотворилъ, а всѣ бѣдствія и страданія по отношенію къ людямъ есть наказанія за грѣхъ, а по отношенію къ Богу есть сила добра, приводящая грѣшника къ раскаянію. Богъ предопредѣляетъ только то, что не состоитъ въ нашей власти. Такъ Онъ отъ вѣка предопредѣлилъ совершить искупленіе рода человѣческаго отъ грѣха и погибели [1]). Но такъ какъ въ частности спасеніе каждаго лица содѣвается подъ условіемъ вѣры въ Искупителя и жизни по вѣрѣ при содѣйствіи благодати, сообщаемой въ таинствахъ, то ясно что здѣсь не можетъ быть рѣчи о предопредѣленіи человѣка ко спасенію или погибели.

„Несомнѣнно,—говоритъ еп. Ѳеофанъ,—что кто увѣровалъ въ Господа Спасителя и пошелъ въ слѣдъ Его въ полной покорности волѣ Его святой, тотъ достигнетъ царствія небеснаго—непремѣнно достигнетъ Но до него надо дойти,—и чтобы дойти—идти бодро, неутомимо, нимало не уклоняясь отъ Богомъ положеннаго ему пути" [2])

„Въ каждомъ поворотѣ внутреннихъ измѣненій человѣкъ дѣйствуетъ самъ своимъ произволеніемъ и напряженіемъ силъ своихъ. Въ устроеніи спасенія все содѣлано для всѣхъ туне; въ содѣваніи же спасенія каждымъ ничего не бываетъ туне, но все дѣлается взаимодѣйствіемъ свободы и благодати. Мысль, что спасеніе даровано даромъ и отнято быть не можетъ, потому что дары Божіи неотмѣнны,—совершенно ложна, льстива, пагубна, ибо подрываетъ всякую энергію нравственныхъ силъ. Дары Божіи даются не безусловно и въ силу нарушенія условій могутъ быть взяты обратно.

„Домостроительство спасенія неотмѣнимо и вѣчно-сильно,— вседостаточно на спасеніе *всѣхъ* (а не избранныхъ), во всѣ времена жившихъ, живущихъ и имѣющихъ жить,—и сила его простирается на всю вѣчность. Но къ спасенію каждаго

---

[1]) Православное исповѣданіе. [2]) Письма къ разнымъ лицамъ.

лица эти качества приложимы быть не могутъ. Можно только говорить: кто увѣруетъ и по вѣрѣ вѣрно исполнять будетъ все потребное ко спасенію, тотъ несомнѣнно спасенъ будетъ: кто же не исполнитъ, тому нельзя надѣяться, т. к. это воспринятое начало спасенія сгублено.

„Рожденный отъ Бога, побѣждаетъ грѣхъ, міра и діавола и, пріявъ духа благодати, обладая свободою отъ сихъ родителей грѣха, свободно исполняетъ всякую заповѣдь; исполненіе заповѣдей очищаетъ сердце: чистое сердце есть готовое жилище Бога,– Который и вселяется въ него (а не просто во всякаго увѣровавшаго).

„То истинно есть, что всякій увѣровавшій и обновившійся благодатію въ крещеніи или покаяніи, питаетъ непоколебимую увѣренность, что путь, на который онъ вступилъ, несомнѣнно приведетъ его ко спасенію, если онъ самъ не погрѣшитъ въ шествіи. Составить себѣ убѣжденіе, что грѣхи намъ прощены и жизнь вѣчная – наша, можно не поистинѣ, а по самопрельщенію. Господь Спаситель,—чрезъ воплощеніе, страданіе, крестную смерть, воскресеніе и вознесеніе, святаго Духа ниспосланіе и устроеніе святой церкви Своей,—заготовилъ всего потребнаго для спасенія нашего не только вдоволь, но и съ преизбыткомъ. Это и называется *домостроительствомъ спасенія*. Ищущіе спасенія все потребное ко спасенію получаютъ невозбранно, а пріявшіе должны приносить плоды—въ тридцать, шестьдесятъ и сто.—всякій по силѣ своей. Непринесеніе никакихъ плодовъ осуждается. Приносятся плоды жизнію по вѣрѣ и въ духѣ ея“ *).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ своей стороны, принесъ Себя въ жертву дѣйствительно за всѣхъ и всѣмъ пріобрѣлъ благодать и спасеніе; пользуются же этимъ тѣ изъ насъ, которые, съ своей стороны, добровольно принимаютъ участіе *въ страданіяхъ Господа, сообразуясь смерти Его* (Фил. 3, 10).

Почему будутъ и разныя степени блаженства, по мѣрѣ того, какъ кто здѣсь подвизался въ вѣрѣ, любви и добрыхъ дѣлахъ: но такъ какъ Богъ предвидѣлъ, что одни хорошо будутъ пользоваться своею свободной волею, а другіе худо, то посему однихъ предопредѣлилъ къ славѣ, а другихъ

---

*) Письма къ разнымъ лицамъ.

осудилъ (Изложеніе вѣры Восточн. Патріарх. чл. 3), не потому чтобы Онъ хотѣлъ ихъ погибели, но они сами погибаютъ: *зане любве истины не пріяша, во еже спастися имъ* (2 Сол. 2, 1)[1].

Въ волѣ каждаго состоитъ. — говорится въ Православномъ исповѣданіи, — быть добрымъ и чадомъ Божіимъ. или злымъ и сыномъ діавола. Все сіе зависитъ отъ выбора и власти человѣка, но такъ, что къ добру благодать Божія наклоняетъ человѣка, а отъ зла отклоняетъ его, не дѣлая однако принужденія его свободѣ [2]), для чего и данъ человѣку законъ внутренній, или свидѣтельство совѣсти, какъ и говоритъ святый апостолъ Павелъ о язычникахъ, что они *являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ* (Рим. 2, 15); но такъ какъ люди не слушались внутренняго закона и, провождая плотскую и грѣховную жизнь, заглушали въ себѣ голосъ духовнаго закона, то и было необходимо дать еще и законъ внѣшній, то есть заповѣди Божіи, по которымъ и будутъ судить человѣка [3]).

XXI.

Сказавъ въ своемъ мѣстѣ о вѣротерпимости, которой держится православная церковь и о ея кротости и умѣренности въ дѣлѣ обращенія заблуждающихся, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, что Лютеръ, какъ проповѣдникъ новыхъ *свободныхъ* началъ, вовсе не отличался спокойной твердостью. Напротивъ, въ спорахъ онъ теряетъ самообладаніе, раздражается и зачастую прибѣгаетъ къ грубымъ и рѣзкимъ выраженіямъ, силясь защитить свое безосновательное, неправое ученіе...

Что же касается швейцарскихъ реформаторовъ Цвингли и Кальвина, то эти послѣдніе дѣйствовали не столько убѣжденіемъ,—сколько силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, со всею жестокостью и дерзостью: Цвингли, вооружаясь

---

[1]) Простр. христіанскій катехизисъ. [2]) Православное исповѣданіе. [3]) Простр. христіанскій катехизисъ.

противъ всѣхъ обрядовъ религіи, велитъ прямо выносить изъ церквей иконы, кресты и проч., а на сопротивленіе онъ отвѣчаетъ приказаніемъ жечь монастыри и всѣ церковныя украшенія....

Кальвинъ въ этомъ отношеніи былъ еще жестче и суровѣе. Онъ проповѣдывалъ и словомъ и дѣломъ борьбу съ католичествомъ во имя евангельской свободы, но когда французскій король Франсуа I обнажилъ мечъ на защиту католицизма, то Кальвинъ выступилъ съ рѣзкими нападками и требовалъ отъ короля-христіанина терпимости и умѣренности. По отношенію же къ своему противнику Сервету, онъ обнаружилъ полную нетерпимость и духъ жестокаго фанатизма и осудилъ его на публичное сожженіе.

Хорошо извѣстенъ характеръ дѣятельности и другого представителя кальвинизма—Нокса, утвердившаго реформатство въ Шотландіи. Отношенія этого ревностнаго проповѣдника нравственности къ несчастной королевѣ Маріи Стюартъ отличались фанатичной нетерпимостью, неумолимой жестокостью и грубымъ цинизмомъ.

Самые благочестивые и экзальтированные мистики—Пуритане—были горделивые праведники и сумасбродные фанатики, съ презрѣніемъ относившіеся къ людямъ и къ самой жизни. Словомъ, всѣ они страдали полнымъ отсутствіемъ истинной христіанской любви и кротости.

Впослѣдствіи реформаты, конечно, отрѣшились отъ столь строгихъ выраженій своихъ догматовъ и закончили полнымъ отрицаніемъ всякой христіанской догматики, уважая лишь нравственныя начала, и вся ихъ теорія вылилась въ форму *раціонализма* и сухой разсудочности *).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ сопоставленій можно сказать, что католичество и протестантство въ своемъ соотношеніи составляютъ какъ бы два крайніе полюса. Между ними легло экваторіальной линіей православіе, обнимающее полностью всѣ христіанскія истины безъ всякихъ уклоненій въ ту или другую сторону заблужденій, и потому въ пра-

*) Характеръ протестантства. С-ПБ. 1871 г.

вославномъ пониманіи христіанства нѣтъ крайностей, и всѣ понятія имѣютъ глубокую связь между собой и достаточно основаній, чтобы считаться истинными.

Православіе составляетъ именно святую середину и, по замѣчанію одного духовнаго лица, Лютеру, не нашедшему удовлетворенія во внѣшнемъ пониманіи христіанства католицизма, всего вѣрнѣе было обратиться къ восточной церкви, которая во внѣшности, т. сказ., воплощала все свое глубоковнутреннее, духовно-благодатное ученіе, но онъ, къ сожалѣнію, пошелъ одиноко путемъ одного своего разума и окончательно уклонился отъ истины.—Впрочемъ, почти ту же мысль высказалъ и одинъ ихъ современныхъ нѣмецкихъ богослововъ: „Если бы Лютеръ принадлежалъ къ церкви восточной, то онъ не имѣлъ бы причины оставлять ее, потому что первоначальныя обвиненія, справедливо возведенныя имъ на Римскую церковь, не нашли бы себѣ мѣста по отношенію къ церкви восточной. Духъ православнаго каѳоличества—есть вѣра, любовь, убѣжденіе, свобода, благочестіе, движеніе впередъ!“...(Овербекъ. „Ex oriente lux“).

Вотъ почему смѣло можно сказать, что переходъ изъ католичества или протестантства въ православіе, не есть измѣна вѣрѣ предковъ и вообще не есть перемѣна вѣры, а вѣрнѣе—принятіе вѣры, переходъ отъ заблужденій къ истинѣ, выходъ изъ общества, хотя и благочестиваго, но безблагодатнаго, и вступленіе въ лоно церкви истинной. Есть не мало людей весьма благочестивыхъ, привязанныхъ, можно сказать, исторически къ своему обществу, потому только, что не хотятъ углубиться въ такого рода вопросы, а поэтому и считаютъ, что вѣроисповѣдная форма не имѣетъ большаго значенія въ дѣлѣ спасенія, думая, что достаточно называться христіаниномъ. „Всѣ признаютъ успѣхъ просвѣщенія въ мірскихъ наукахъ, но не всѣ хотятъ уразумѣть, что религія есть также наука, просвѣщающая насъ по мѣрѣ того, какъ мы хотимъ ее изучить. Такъ какъ въ церкви православной развитіе этой науки основано на ученіи свв. отцевъ, которое посредствомъ преданія сохраняется въ церкви отъ временъ апостольскихъ, а не объясняется по собственному произволу, то и переходъ изъ католичества, протестантства и другихъ вѣроисповѣданій означаетъ лишь степень усовершенствова-

нія духовнаго“ *). Что католикъ, недовольный деспотическимъ папизмомъ и мертвымъ формализмомъ своихъ отношеній къ Богу, можетъ низойти въ протестантизмъ, дающій полную свободу въ дѣлѣ спасенія,—это вполнѣ естественно; но протестанту, неудовлетворенному въ своихъ религіозныхъ потребностяхъ, нѣтъ другого выхода, какъ въ православіе, гдѣ истинная свобода духа отъ грѣха, гдѣ *вся силы яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), гдѣ вѣрное руководство для жизни ведущей къ вѣчному блаженству.

---

*) Письма о православіи.

